

Современный любовный роман

ИЗМЕНА

ПРАВО НА ЛЮБОВЬ

Арина Арская

Арина Арская

Измена. Право на любовь

<https://litres.ru/74294194>

Аннотация

— Повторяю, я против развода, — Артур холодно улыбается без тени вины или стыда. — В ином случае ты лишишься всего. Я молчу, потому что если скажу хоть слово, то сорвусь в слезы. Любимый муж обратился в беспринципное чудовище, а я проморгала этот момент. — Я не люблю Карину, но она носит моего ребенка, — Артур устало массирует переносицу и закрывает глаза. — Да, у меня любовница и так случилось, что она залетела, но она согласна за некоторую сумму в месяц не отсвечивать в нашей жизни. Поднимает тяжелый взгляд, от которого мне зябко: — Твоя гордость тебе обойдется дорогой ценой, Вита. Мама тебя не учила, что женщина должна быть мудрой?

ХЭ

Содержание

Глава 1. Вита, трагедии не случилось	5
Глава 2. Отработанный материал	13
Глава 3. Королева	20
Глава 4. Что ты видишь в моих глазах, милый?	27
Глава 5. Хитрая амёба	32
Глава 6. Разговор на кухне	41
Глава 7. Доброй ночи, Вита	46
Глава 8. Потерять себя в пустоте	51
Глава 9. Тебе есть куда идти?	57
Глава 10. Негодяй!	61
Глава 11. Как жизнь молодая?	64
Глава 12. Плачу наличными	68
Глава 13. В самое сердце	72
Глава 14. Уже ревнуешь?	76
Глава 15. Ни о чем не жалею	80
Глава 16. Что ты замолчала?	84
Глава 17. Ромашки	88
Глава 18. Настороженный доктор	91
Глава 19. Что-то тут нечисто	95
Глава 20. Нехорошее предчувствие насчет хорошего доктора	98
Глава 21. Илюш, какого черта?	102
Глава 22. Еще один лицемер	106

Глава 23. Вита, что случилось?	110
Глава 24. Не защитил и не уберег	113
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Глава 1. Вита, трагедии не случилось

— Какого черта? — шепчу я, но громкая музыка заглушает мое недоумение.

Я вижу голые крепкие бедра своего мужа и его широкую мускулистую спину. У его ног лежит мятый халат. На кого-то навалился у кухонного стола, и этот кто-то сладко постанывает:

— Да, — томно и протяжно всхлипывает, — Артур Борисович... О, боже... Я вот-вот...

У меня брови ползут на лоб, руки потеют, пальцы дрожат. Стоны срываются на крики. Незнакомая девка бесстыдно верещит под моим рычащим мужем. Он хватается нахалку за волосы, дергает на себя и одаривает жадным поцелуем, чуть не свернув ей шею. Сколько страсти, голода и пыла. Я очарована. Я помню его таким.

Девушка мычит, по телу Артура бежит судорога и через секунду он отстраняется, а через другую дикие и испуганные вопли заполняют кухню. Музыка сменяется на тягучие переливы флейты. Милая чернявая красавица с красными щеками и искусанными губами, оправляет юбку и прячется за моим мужем. Голым мужем.

— Привет, — слабо улыбаюсь я. — Самое время сказать,

что это не то, что я подумала.

Артур обескуражен. Я не могу винить хрупкую и всхлипывающую незнакомку, что жметя к нему котенком. Он чертовски хорош собой. Ежедневные тренировки с личным куратором в зале дали отличный результат. Четкий рельеф мышц, широкие плечи и выступающие вены на руках... А его мужская гордость даже сейчас в момент, когда мое сердце идет черными трещинами, внушает трепет, но я все же поднимаю глаза:

— Артур?

— Ты уже вернулась?

— Рейс перенесли на утро, — я не моргаю. — Я тебе звонила, но ты трубку не брал. Занят был?

— А чемоданы?

— В камере хранения. Не хотела тащить их с собой.

Где моя истерика? Где мои слезы? Где хоть что-нибудь? Пальцы только дрожат, поэтому я сжимаю кулаки, чтобы не отвлекали от интереснейшей беседы с неверным мужем. Интересно, какой длины лапша на моих ушах?

— Вита...

Я так устала. Я даже причину своей усталости не могу назвать. Просто устала. Меня будто придавила бетонная плита.

— Кто это? — задаю короткий вопрос.

— Вита...

— Вита это я, — мое лицо растягивается в улыбке, — а она? Кто?

— Карина, — пищит девица за спиной Артура. — Секретарша.

— Какая банальность, милый, — стягиваю с безымянного пальца тонкое обручальное кольцо, глядя в серые, как холодная сталь, глаза супруга. — Босс и секретарша. Где твоя фантазия?

Он не из тех, кто упадет на колени, чтобы покаяться в грехах со слезами на глазах. Над его бровью с надменным изгибом бьется венка гнева, а крылья носа подрагивают.

— Иди прочь, — шипит он испуганной Карине, а та всхлипывает.

— Но Артур Борисович...

— В этом нет нужды, — бросаю кольцо к босым ступням Артура.

Когда оно касается плитки, то отскакивает от него, падает на ребро и закатывается под стол. Разворачиваюсь и иду прочь. Чувствую на спине взгляд мужа.

— Вита! — рявкает он.

— Артур... — попискивает Карина.

— Да отцепись ты!

И где же его страсть сейчас? Выскакиваю на крыльцо и торопливо спускаюсь по ступеням на носочках. Кидаю беглый взгляд на цветущие розы, что источают сладкий аромат, от которого меня мутит и шагаю к калитке, встряхнув волосами.

— Вита!

Я оглядываюсь на зычный голос Артура. Успел все же приодеться в халат. Стоит на пороге и зло затягивает пояс:

— Давай поговорим.

— Это конец, Артур.

Бьет кулаком по косяку, рычит и делает шаг.

— Не стоит, — отступаю к калитке. — Говорить нам не о чем.

— Ты без меня никто, — Артур щурится. — Не совершай ошибку, Вита. Я мужчина.

— А я женщина, — пожимаю плечами и сглатываю ком в горле. — Ох, прости, я же никто.

Молчание. Напряженный зрительный контакт. Вот его истинные мысли обо мне. Никто. Не зря я слышала в “зайчике”, “витаминке” и “моей красавице” что-то липкое и неприятное в последнее время. И целовал он меня мимоходом, лениво и по привычке. И у стола на кухне внезапно не зажимал с рыком под музыку.

— Я погорячился.

Какой бессмысленный и неловкий разговор. Артур растерян. Он ждет истерики, а я никак не могу ее из себя выдавить, чтобы устроить грандиозный скандал. Я бы хотела, например, вырвать куст с цветущими розами и отхлестать им по роже Артура, но я думаю наперед, что шипы изранят ладони, а удовлетворения я не получу. Это не сотрет из моей жизни предательство и измену мужа.

Я смотрю на Артура и понимаю, что я его потеряла. Да,

мы можем поговорить, он объяснит свой проступок, что он кобелина проклятый, а я могу с этим согласиться, однако...

— Чего тебе не хватало? — задаю я тривиальный и глупый вопрос.

— Честно?

— Я бы была благодарна тебе за честность, Артур, — я в ожидании приподнимаю бровь.

— Я просто захотел отыметь секретаршу, которая привезла мне документы на подпись, — прячет руки в карманы и холодно улыбается. — Это не касается темы того, что мне чего-то не хватало или не хватает. Меня все устраивает.

И тут я смеюсь. Аж тихо всхрапываю, а после срываюсь на откровенный гогот. Артур оскорбленно хмурится, а я не могу успокоиться.

— Прости... — я судорожно вдыхаю в перерыве между приступами хохота и смахиваю выступившие слезы.

Скулы сводит, живот болит, а я продолжаю смеяться. Приваливаюсь к кирпичному столбу калитки и прижимаю ладонь к прессу, что горит огнем от перенапряжения.

Выдыхаю я и замираю, ожидая нового прилива хохота. Медленно моргаю, распрямляюсь и распахиваю тяжелую кованную калитку с витиеватым перепелтением прутьев на железном полотне:

— Мне пора.

— Вита, не глупи. Трагедии не случилось.

Цокаю по тротуару каблуками. Мой шаг через пять ми-

нут побега замедляется, колени подкашиваются и меня ведет сторону под волной отчаяния. Прислоняюсь плечом к фонарному столбу и хватаю ртом воздух. Да, трагедии не случилось. Лишь измена, от которой плесенью покрывается сердце, а душа будто съезживается в подрагивающий комочек боли.

— Вита, — раздается тоненький голосок Карины.

Я загнано оглядываюсь. Стоит в нескольких метрах, улыбается и сжимает ручки сумки, которую вряд ли может позволить обычная секретарша, а затем в глаза бросаются туфли. Та же модель, что и на мне сейчас. Непростительно дорогие шпильки, которые Артур мне подарил неделю назад.

— Вам плохо, Вита? — спрашивает Карина.

— Давление скачет.

— Ясно, — глазки опускает и замечает мои туфли. Секундное молчание, и жалобный шепот. — Артур меня выгнал.

Она ждет, что я сейчас пойду к мужу на разборки и требовать ответа, почему он, негодяй такой, выгнал милую секретаршу? К чему эта жалоба? Поднимает глаза, а в них слезы. Красивая. Острый носик, пухлые губки, густая шевелюра благородного каштанового оттенка.

— Вита...

— Что?

— Я его люблю. Он должен быть со мной.

— Здравствуй, Виточка, — мимо проходит Анна Игорев-

на, наша соседка. Останавливается и оглядывается. — Ты чего такая бледная?

— Давление.

— Так ты еще молодая для этой напасти, — с сомнением меня оглядывает с головы до ног и хмурится. — Это потому что ты худая, — переводит любопытный взор на Карину и кивает на нее, — а это кто? Подруга?

— Секретарша Артура, — я тяжело сглатываю. — Привезла документы и уже уходит.

Анна Игоревна смеривает и ее оценивающим взглядом и с тревогой смотрит на меня:

— Секретарша?

— Да.

Гнетущее молчание, и Карина подает голос:

— Не только секретарша!

— Ах ты гадина, — Анна Игоревна разворачивается к ней, — мужика из семьи решила увести?

— Да какая же это семья? — охает Карина и капризно топает ножкой. — Он ее не любит! И никогда не любил!

— Вот стерва мелкая, — шипит Анна Игоревна и уже готова бросится в бой на мою “соперницу”.

— Хватит, — смахиваю со лба локон, отталкиваюсь от фонарного столба и плетусь дальше. — Хорошего дня, Анна Игоревна.

— Виточка, мужики же они... бестолковые...

Меня нагоняет упрямый стук каблучков, и Карина хватается

меня за руку и бессовестно ее дергает, вынуждая меня остановиться.

— Что тебе надо от меня? — я едва сдерживаю слезы и крики.

— Я беременна. От вашего мужа.

Глава 2. Отработанный материал

Карина всхлипывает, слезы утирает мягкой салфеткой, а я делаю медленный глоток горького и терпкого эспрессо. Она шла за мной до самого кафе и заунывно плакала. Я тоже хотела поплакать, но передумала. Не перед любовницей Артура мне сопلي распускать.

— Я беременна...

— Я это уже слышала.

Небольшой зал кафе пустой. За стойкой скучает молодой бариста. Копаются в телефоне. Вихрастый, курносый и с милыми веснушками на лице.

— От Артура.

— А я тут при чем? — перевожу блеклый взгляд на бледную Карину. — Скажи об этом Артуру.

— Я ему сказала, — она поджимает губы.

— И?

— Он меня выгнал, — запинается, сглатывает и шепчет, — а после кулаком дверь пробил.

— Какую дверь?

— В прихожей, — Карина шмыгает, — дверь гардеробной.

— Понятно, — пустым голосом отвечаю я и делаю очередной глоток.

Замечаю взгляд баристы. Кошу на него недоуменные глаза

с чашкой у рта, а он краснеет и вновь утыкается в телефон.

— Я его люблю.

Отставляю чашку, прижимаю пальцы к вискам и смотрю на глупую, но невероятно очаровательную Карину, которую хочу задушить голыми руками или разбить ее хорошенькое лицо о стол.

— И это я уже слышала. Чего ты от меня хочешь? Это не я с тобой спала и не от меня ты...

Выдыхаю и закрываю глаза. Я несколько лет мотаюсь по врачам в попытках забеременеть. Проблем ни у меня, ни у Артура не нашли. Доктор Артура даже похвалил, что он в отличной форме, а его эякулят — живой, активный и готов оплодотворить любую матку, но, видимо, не мою.

— Вы же его теперь оставите?

— Да, — я печально усмехаюсь и вглядываюсь в глаза Карины, в которых вспыхивает надежда. — Он весь твой. Я брезгливая.

Хмурится, переваривает мои ядовитые слова и возмущенно распахивает глаза:

— Я, между прочим, была девственницей!

— Так я тоже, когда встретила с Артуром, — пожимаю плечами. — И что?

— Это другое.

Смеюсь. Какая нелепая ситуация! Глотаю очередной смешок и откидываюсь на спинку стула, утомленно глядя на Карину, чьи щеки покраснели от гнева. Вот каких девиц лю-

бит мой муж? Глупых, наивных и милых. Я живо представила, как она стучится в дверь его кабинета, входит, потупив глазки, а он следит за ее каждым шагом цепким и внимательным взглядом. Ох, как мне нравился этот его взгляд, который раздевал и будил в груди волнение.

— Поговори с ним, — шепчет Карина.

— О чем? — я удивленно моргаю.

— О нашем с ним ребенке.

Я готова кричать от отчаяния, бить посуду и переворачивать столы, но я лишь убираю локон за ухо и вновь ловлю взгляд баристы. Перевожу на него недоумевающий взор, а он улыбается и отворачивается к кофемашине. У мужиков, даже очень юных, встроен радар на отчаявшихся женщин?

В сумке вибрирует телефон. Я его выуживаю и несколько секунд гипнотизирую “Любимый”. Жую губы и решительно отвечаю.

— Твоя секретарша в интересном положении, — криво улыбаюсь Карине. — Поздравляю, милый, ты скоро станешь папой.

— Я тебе предлагаю взять себя в руки и вернуться домой на серьезный разговор, — голос Артура звенит натянутой струной.

— Она беременна.

— Я в курсе.

Сбрасываю звонок и блокирую номер Артура. К горлу подкатывает ком слез, и я упрямо его сглатываю. Не сейчас.

— Что он сказал? — Карина поддается в мою сторону.

— Что он в курсе, — закидываю телефон в сумку и приглаживаю волосы. — А теперь, Карина, оставь меня. Я тебя поздравляю, желаю здоровья тебе и вашему с Артуром малышу. Счастья, любви и всей этой ерунды, в которую я однажды поверила.

— Вита...

— Пошла прочь, — я тоже поддаюсь к ней и цежу сквозь зубы, вглядываясь в ее заплаканные глаза, — я устала и хочу побыть в одиночестве. Это мое право, Карина. Разговоры веди с Артуром, а не со мной. Во-первых, я тебе не мамочка, а, во-вторых, я хочу тебе залепить пощечину и не из-за интрижки с моим мужем. Это его вина и его ответственность. Я хочу тебя ударить, потому что ты наглая и бессовестная мерзавка.

— Он теперь мой! — вскакивает на ноги, вздернув носик.

— А ты...

— А я? — вопросительно изгибаю бровь.

— Отработанный материал! Именно так! — стучит каблучками прочь. — Вот стерва!

Прячу лицо в руках. Фраза отработанный материал отлично описывает мое моральное и душевное состояние. Выныриваю из тьмы печали и тоски от тихого стука. Передо мной высокая стеклянная кружка с кофе и высоко шапкой из пены, а у стола стоит улыбчивый бариста.

— Это вам, — улыбается еще шире.

— Я не заказывала.

— Это лично от меня мой авторский кофе, — его щеки трогает милый румянец.

— Авторский?

— Да, — усаживается за стол передо мной. — Иногда накрывает вдохновение при взгляде на посетителей, и я варю кофе, который бы идеально описал вкусом личность. Как вас зовут?

— Сколько тебе лет? — отвечаю вопросом на вопрос.

— Двадцать.

— А мне тридцать три, — я делаю глоток кофе, в котором переплелись молочная нежность и строгая горчинка робусты.

Бариста молчит и усмехается:

— И что? Тридцать три так тридцать три, — его глаза вспыхивают озорством. — Может, я люблю дам постарше.

— А если я замужем?

— Муж не стена, подвинется.

И я в который раз смеюсь. Ко мне подкатывает милый птенчик и важно хорохорится. Такой симпатичный и сладкий мальчик. Однажды возмужает, женится, добьется успеха и отымеет секретаршу на глазах у жены.

— Как кофе? — спрашивает бариста.

— Мне нравится.

Расцветает самодовольной улыбкой:

— Добавить в меню?

— Тебе бы сверстницу очаровывать, — я щурюсь. — Я для тебя тетка.

— Вы не похожи на тетку, — смеется в ответ.

— В душе я самая настоящая тетка, которая жутко устала. Возможно, даже старуха, — делаю несколько глотков и отставляю кружку. Смотрю в зеленые глаза баристы. — Вот оно тебе надо?

— Я еще не решил, — честно отвечает бариста. — И вы не замужем. Кольца на пальце нет.

— Какой внимательный, — поднимаю правую ладонь и растопырываю пальцы, — приглядиись повнимательнее.

От кольца осталась тонкая и едва заметная полоса.

— Сняли? — охает бариста. — Какое коварство!

Вытаскиваю из сумки кошелек и под кружку с авторским кофе кладу пяти тысячную купюру. Бариста удивленно приподнимает брови.

— Сдачи не надо, — я слабо улыбаюсь. — Хороший кофе, поднял настроение. И да, добавь его в меню.

Прячу кошелек, встаю и шагаю к выходу. Мне в спину летят лукавые слова:

— Увы! Напрасно деве гордой я предлагал свою любовь!

Я оглядываюсь. Бариста обнажает зубы в улыбке и лихо откидывается назад на спинку стула:

— Александр Сергеевич Пушкин.

— Спасибо, — глаза щиплет от слез. — Это было мило.

— Буду ждать вашего возвращения и с обновленным ме-

ню.

Я коротко киваю и спешно покидаю кафе. На крыльце медленно выдыхаю, смахиваю слезы и прикусываю кончик языка. И что теперь? Я выброшенная на берег рыба, и я задыхаюсь от ужаса.

Глава 3. Королева

За окном кофейни на меня с улыбкой смотрит милый бариста. С ожиданием смотрит и молодым лукавством. Он не против со мной повеселиться. По глазам его вижу, что вернись я сейчас и позови его в уборную на “разговор”, то он не откажется. И я ведь могу так поступить. И мимолетная связь с юным Казановой ненадолго заглушит во мне отчаяние, ведь это будет маленькой мстью Артуру.

Нет. Я не могу. Или... Я хочу сделать Артуру так же больно, как и он мне. Ткнуть его нахальной рожей в тот факт, что его жена все еще привлекательная женщина и в ней заинтересованы даже молодые парни. Мое эго шепчет, что я должна воспользоваться шансом и почувствовать хоть на миг превосходство над самонадеянным мужем, который вольготно устроился.

Я поддаюсь слабости. Я возвращаюсь в кафе. Открываю дверь и с порога заявляю:

— Имен не называем.

— Любопытно, — бариста выходит из-за барной стойки.
— Я не против.

Моя глупая решительность плавится, когда он шагает к двери. Я отступаю в сторону, а он с щелчком проворачивает ключи, оценивающе поглядывая на меня. Что я творю. Сжимаю ручки сумки, а бариста вешает на дверь табличку “пе-

рерыв”.

— Еще не передумала? — хитро вскидывает бровь.

— Почти... — тихо отвечаю я.

— Но ты не молчи, если передумаешь, — через секунду стоит передо мной.

Как жаль, что мне уже не двадцать. Я бы могла влюбиться в эти лукавые зеленые глаза с искрами беззаботности.

— Вопрос, — испуганно шепчу я.

— Слушаю.

— Скольких ты соблазнил авторским кофе и Пушкиным?

— Ты хочешь уточнить, насколько я опытен? — он улыбается и пробегает пальцами по моей щеке.

Его касание меня обжигает, и у меня перехватывает дыхание. Ладони потеют, колени подкашиваются. То ли от страха, то ли от желания. Внутри все сплелось в один клубок: и ужас, и обида, и злость, и физическое влечение к юному незнакомцу.

— Давай ты потом сама дашь мне оценку, — бариста ухмыляется, — только честно и без стремления не обидеть.

— Я... — отступаю в закуток с уборными. — Я совершаю большую ошибку...

— Передумала? — клонит голову набок, и немного краснеет. — Знаешь, я тоже чуточку взволнован.

— Да? — с губ срывается истеричный смешок, и заныряваю за угол. — А у тебя, случайно, подружки нет? Понимаешь... — выдыхаю и прижимаю ладони к щекам. — Одно

дело, если ты свободный мальчик, а другое...

И тут я вздрагиваю, потому что кто-то ломится в дверь. Раздается злой и приглушенный голос Артура:

— Открывай!

— У меня перерыв! — недовольно рявкает бариста.

У меня сердце в пятки, и я прячусь за горшком с раскидистой пальмой в углу.

— Открывай.

— Это мой муж, — попискиваю я.

— Я эту дверь выломаю к чертям собачьим!

— Нервный какой.

Раздается щелчок, и я прижимаю ладонь ко рту. Зря я вернулась. Ну, что за идиотка!

— Где она?! — рычит Артур.

— Кто? — флегматично спрашивает бариста.

— Моя жена!

— А ваша жена кто?

— Светленькая такая, — раздраженно отвечает Артур.

— За сегодня светленьких было штук десять, — смеется бариста. — Разной степени.

— В зеленом платье, — шипит Артур. — Плакала и была со второй... — неразборчивый рык. — С темненькой.

— Была одна в зеленом платье, — невозмутимо отвечает бариста, — с истеричкой какой-то. Вот истеричка плакала, а вот в зеленом платье — нет.

— Нет?

— Не-а. Не плакала. А та истеричка вам кто?

Молчание на несколько секунд, и злое урчание Артура:

— А тебе какое дело?

— Ну, она очень громко плакала, — голос баристы безмятежен и спокоен. — Кажется, у нее серьезные проблемы... — смешок, — с чужим мужем.

Глухой удар, удивленное и болезненное ойканье баристы, и я зажмуриваюсь.

— Завали пасть, щенок...

— Хорошего дня, — сдавленно отзывается бариста, и раздается громкий и злой хлопок двери, а после бурчание. — Вот урод...

Щелчок замка, и я выглядываю из-за угла. Бариста прислонился к стене и прижимает к носу окровавленную салфетку.

— Нет, подружки у меня нет, — бубнит в салфетку и шурится на меня. — Я пока не готов к серьезным отношениям и лелею надежду, что буду всю жизнь гордым холостяком.

Отбрасывает салфетку и аккуратно ощупывает нос:

— Вроде не сломал, — прикладывает новую салфетку к носу и спрашивает, — тебе муж изменяет? И это была его любовница?

— Да, — я вновь прячусь за пальму.

Я хочу кинуться глупому мальчишке на помощь, но боюсь, что вернется Артур, и тогда дело не обойдется только разбитым носом.

— Прости...

— Это же не ты мне кулаком в лицо, — разгневанно фыркает.

— Я хотела тебя использовать, — сползаю по стене на пол и накрываю лицо ладонями. — Боже, какая я мерзкая...

— Уехал, — мрачно отзывается бариста. — А тачка у твоего мужа что надо. Статусная.

— Я не разбираюсь в его машинах, — устало вздыхаю и обнимаю колени, — но да, дорогие.

— Но не в деньгах счастье, да? — смеется и заходит ко мне в закуток. Приваливается спиной к стене напротив и слабо улыбается, вытирая кровь под носом. — Она тебе не соперница.

— Это мило, — с тоской усмехаюсь я.

— Я серьезно. Ты королева, а она...

— Хватит.

— Ладно, согласен, — тоже садится на пол. — Это был перебор. С этим курсами пикапа надо быть осторожными.

— Курсы пикапа? — я удивленно вскидываю бровь.

— Да, каждый уважающий себя... — он хмыкает и подмигивает, — мальчик должен пройти курс пикапа, а вот твоему мужу я бы посоветовал курсы по управлению гневом, хотя... не буду его винить. Он может потерять... — улыбается с очаровательным плутовством, — королеву.

— Твои курсы почти работают, — я смеюсь и вытягиваю ноги.

— Почти — не считается, — обиженно фыркает.

А затем поглаживает мою лодыжку, потемневшими глазами всматриваясь в лицо. Я медленно выдыхаю. Его внимание невероятно льстит израненной душе. Его ладонь поднимается выше, сердце замирает и учащает бег.

— Я сяду рядом?

Я молчу. У меня от его шепота мурашки по коже. Я прекрасно понимаю, что для него все происходящее — забавная игра, и в его крови сейчас бурлит адреналин. Не дождавшись от меня ответа, садится рядом. Наши плечи соприкасаются. Я должна встать и уйти. Это неправильно быть тут, когда надо возвращаться в жестокую и холодную реальность.

— Я хочу тебя поцеловать, загадочная незнакомка, — внимательно вглядывается в мой профиль.

— Это будет нечестно... — едва слышно отвечаю я и обращаю на милого баристу печальный взгляд.

— Он тебе изменил...

— Я не об этом.

— А о чем?

— Я хочу желать поцелуя от мужчины не из-за уязвленного эго и обиды. Понимаешь?

— Я стараюсь, но... — баристы цыкает. — С женщинами сложно.

— С нами довольно просто, — поправляю ворот на его рубашке, — если нас любить.

— Звучит, — приближает лицо и жарко выдыхает, — как

ВЫЗОВ.

— Я должна идти, — решительно встаю и оправляю юбку, а потом трусливо ретируюсь под удивленным взглядом зеленых глаз. — Прости.

Глава 4. Что ты видишь в моих глазах, милый?

Сканирую штрихкод у ящиков камеры хранения в аэропорту. Ясное дело, что никуда я не полечу. Мне этот дорожный санаторий с гинекологами и другими врачами сейчас, фигурально выражаясь, поперек горл встанет. Я вымотана. Заберу чемоданы и сниму комнату в каком-нибудь отеле на недельку, чтобы обдумать, что делать дальше.

Артур прав. Я без него никто. Он меня обеспечивал от и до. У меня есть высшее образование экономиста, однако ни дня не работала, потому что по мнению моего мужа: жена не должна работать. Меня подкупил такой подход к семейной жизни, и очень зря. Я мало чем отличаюсь от глупой содержанки кроме статуса официальной супруги.

Дверца ячейки, в которой я оставила один из чемоданов, не открывается. Сканирую штрихкод во второй раз, и на маленьком экране высвечивается: доступ заблокирован, обратитесь к персоналу аэропорта. Когда же это проклятый день закончится? Поднимаю лицо и закрываю глаза.

— Вита, — раздается за моей спиной глухой и сердитый голос Артура.

Я вздрагиваю от неожиданности и оглядываюсь. Стоит, спрятав левую руку в карман брюк, и смотрит в упор.

— Твоих рук дело? — тихо спрашиваю я.

— Не буду отпираться, — улыбается, — моих.

Я хочу осесть на пол и разрыдаться от бессилия. И улыбка с легкой надменностью Артура будит во мне, как некстати, вулкан воспоминаний. И не темных и холодных, которые бы меня отрезвили, а хороших и теплых. Это какая-то игра разума. Я вычленяю из потока мыслей желание броситься на плечи Артура и ужасаюсь тому, что насколько оно яркое. Я хочу обратно к нему под крылышко.

— Мне надо забрать чемоданы, — тихо говорю я.

— Прекрати упрямиться, — устало вздыхает Артур.

— Почему бы тебе не оставить меня в покое?

— Ты моя жена. Это во-первых, — он хмурится, — а, во-вторых, нам надо поговорить, как взрослым и адекватным людям. Не бегать, Вита, как девочка, а поговорить.

— Я не хочу говорить, — я перекидываю сумку на другое плечо и скрещиваю руки на груди, — или мое желание не учитывается?

А еще под кучей острых, как осколки, чувств и эмоций, таится нездоровое упоение тем, что Артур решил не отсиживаться в одиночестве, а последовал за мной. Он не хочет меня терять? Он вновь сделал выбор в мою пользу? Прикусываю кончик языка до резкой боли. Рановато я начала терять оборону.

— Цель разговора? — я вскидываю бровь. — Объясниться, извиниться, унижить меня или обсудим развод?

Верхняя губа Артура едва заметно дергается. Я и сама с трудом держу себя в руках. Какое страшное слово - развод. Оно перечеркивает все прожитые вместе годы. И звучит оно чужеродно, будто его и вовсе не должно было существовать.

Слышу тихую вибрацию, что доносится и кармана пиджака Артура, который не спешит отвечать на звонок. Лишь в глазах пробегают тень раздражения.

— Тебе звонят.

— Я знаю.

— Ответь. Вдруг что-то важное, — хмыкаю, — например, по работе? Как обычно.

— Я не думаю, что это что-то важное.

— Карина?

— Вероятно.

— Вот с кем тебе стоит для начала поговорить, милый, — я нерываю зрительного контакта с бледным от ярости Артуром. — А жена... жена подождет своей очереди, как ранее ждала тебя, когда ты задерживался.

— Мы поступим следующим образом, Витаминка, — он подходит ко мне вплотную и заглядывает в глаза, — мы заберем чемоданы, я отвезу тебя домой...

— Я хочу побыть одна, Артур, — мне тяжело дышать, грудь сдавил раскаленный обруч.

— Одна ты натворишь глупостей, Вита, — он невесело ухмыляется.

И у меня в памяти всплывает чашка кофе, строки Пуш-

кина и зеленые глаза. Я чувствую, как к щекам приливает кровь стыда за ошибку, которую хотела совершить под предлогом жалкой мести. Я медленно выдыхаю через нос, пытаюсь успокоить предательское сердцебиение.

— Я отвезу тебя домой, — повторяет Артур, внимательно прищурившись. — После я встречусь с Кариной и обсужу с ней вопрос ее, как ты сказала, интересного положения.

И в глазах его я не вижу радости, что он станет отцом. Он таким тоном мог сказать, что ему надо, например, туфли почистить, а то вляпался в грязь, когда выскакивал из машины. Я недоуменно моргаю. Он хотел детей. Или лгал?

— Жди меня в машине, — вручается ключи и сводит брови до глубокого излома на переносице. — Второй ряд, четвертое место слева.

Наклоняется, чтобы поцеловать, и я от него отшатываюсь, прижав к губам ладонь. Зло бубню сквозь пальцы:

— Не смей.

— Тогда иди, — сердито шепчет и поджимает губы. — Твоими чемоданами я займусь.

Торопливо шагаю прочь, истерично постукивая каблуками, и оборачиваюсь через плечо. Сверлит взглядом, и я от волнения икаю в ладонь. Он очень недоволен, и я его прежде не видела таким даже тогда, когда был риск потерпеть большие убытки при сомнительных сделках. Подозреваю, что если я сейчас мотну хвостом и сбегу, то он найдет меня и силой притащить в дом, куда я не хочу возвращаться.

Артур упрямый. Если мне раньше нравилась эта черта его характера добиваться своего во что бы то ни стало, то сейчас совершенно этому не рада. На данный момент он тверд в решении, что его жена должна быть дома и его больше ничего не волнует. И как же тонко его чуйка работает. Одна ты натворишь глупостей, Вита. Например, можешь соблазниться на молодого баристу, который погладит тебе ножку от лодыжки до колена. И да, милый, это было куда чувственнее, чем отыметь секретаршу у кухонного стола.

Артур хмурится. Возможно, уловил что-то подозрительное в моих глазах. Отворачиваюсь и продолжаю путь под тяжелым взглядом неверного мужа среди незнакомце и незнакомок, что спешат на рейсы и регистрации.

Глава 5. Хитрая амёба

— Артур Борисович...

Голова раскалывается, а голосок Карины как гвоздем по стеклу. Еще утром меня от ее “Артур Борисович” вся кровь уходила в нижнюю часть тела и накрывало диким и каким-то животным желанием, а сейчас у меня глаз дергается.

— Артур... — Карина жалобно всхлипывает.

— Ты ведь, дрянь лживая, при мне таблетки пила, — поднимаю взгляд на Карину. — Ты мне тут что устроила? Какая договоренность у нас была?

В кабинете царит полумрак. Карина порывается встать со стула напротив моего стола, и я цежу сквозь зубы:

— Сидеть.

— Артур... Борисович? — она слабо улыбается.

— Ты пила таблетки. Каждый, мать его, день в одно и то же время. В десять часов утра. Тебе их выписал доктор.

Виновато тупит глаза.

— Карина, не выводи меня из себя.

— После... — шепчет она. — Я шла в туалет.

— Так.

— Пила полтора литра воды и... — шмыгает и трет нос наманикюренными пальчиками.

Со смешком откидываюсь на спинку кресла и закрываю глаза. Лживая потаскуха.

— Какой срок?

— Я на аборт не пойду, — капризно пищит. — Это твой сын.

— Сын? — хмыкаю я.

— А как иначе?

Резко поддаюсь к столу, и Карина вскрикивает и подскакивает на ноги.

— Сядь.

Садится. Бледная, опухшая и жалкая.

— Мой, значит?

— Твой.

Я, конечно, рассчитывал, что у меня будут дети, но не от любовницы. Не от Карины. Она милая и забавная пустышка с круглой попой, рабочим ртом и стройными ножками. И она обвела меня вокруг пальца.

— На аборт не пойду.

— Ты так горячо хочешь быть мамой?

— Мамой твоих пупсиков, — ласково улыбается.

— Так их несколько? — удивленно вскидываю бровь.

— Я рожу тебе кучу детей. Сколько захочешь.

— Ноль детей меня устроит, — равнодушно усмехаюсь.

— Ноль, Карина. Вот сколько я хочу от тебя детей, — я быю кулаком по столу и повышаю голос. — Ноль!

— За что ты так со мной?

Я сжимаю переносицу. Вита должна была обрадовать меня такой новостью. Моя жена была бы хорошей матерью.

— Артур, я люблю тебя и...

— И? — с гневным ожиданием смотрю на Карину.

— Я хочу быть твоей женой, — хлопает ресницами и руки смущенно заламывает.

Я медленно моргаю.

— Что, прости?

— Ты же разводишься... И, наконец, можешь избавиться от своей стервы-жены. Как она рыдала...

— Она не рыдала, Карина, — тихо отвечаю я. — Знаешь, я... — подпираю лицо кулаком и смеюсь, — удивлен. Удивлен тому, что я позволил тебе себя одурачить. И я тебе не верю, что ребенок мой.

— Но он твой, — смотрит прямо в глаза. — Я ни с кем кроме тебя...

— Да вот что-то сомнения меня гложут, Кариночка...

— Я бы не стала тебя обманывать.

И бровки домиком складывает. С таким же чистым и незамутненным взглядом она пила таблетки, а после шла в туалет. Она считает меня за идиота, и она права.

— Хорошо, Карина, — киваю и улыбаюсь. — Сделаем тест на отцовство.

— Он твой.

— Тогда ты можешь не беспокоиться о результатах, — пожимаю плечами. — Верно?

— Я только хотела порадовать тебя, Артур. Ты будешь хорошим отцом, а я мамой. Твоя жена - пустицвет...

— Прекрати, — цежу сквозь зубы.

— Но это правда.

— Замолчи! — рывкаю я. — Да! Это она должна носить моего ребенка, не ты, дрянь! Мне тебе напомнить, о чем мы договаривались?! Тебе были нужны деньги! Подарки! А мне нужна была кукла! Все! — Господи... — со стоном прячу лицо в руках.

— Через девять месяцев ты пожалеешь о своих словах, когда мы сделаем тест на отцовство.

— Почему же через девять месяцев? — я вновь откидываюсь на спинку кресла и закидываю ногу на ногу.

— Я округлила, — кокетливо хихикает и поглаживает плоский живот, хитро поглядывая на меня. — Нам всего три недельки, но нас уже тошнит.

— Вот меня тоже тошнит, — перевожу взгляд на окно, — от твоей тупости. Тест на отцовство мы сделаем раньше девяти месяцев. Сюрприз, крошка, — опять смотрю в удивленное лицо Карины. — Сейчас можно узнать, кто отец во время беременности. Я уточню этот вопрос.

— Я не знала... — изумленно округляет глазки.

— Ты о многом не знаешь. И мне страшно, Кариша, кого ты родишь. Интеллект ребенку передается от матери, а он у тебя как у амебы.

А я где-то рядом с ней плаваю.

— Я возьму на себя ответственность за ребенка, если он мой, — устало вздыхаю.

Глаза Карины вспыхивают надеждой и радостью.

— Женой ты мне не будешь, это однозначно и не обсуждается, — приглаживаю волосы и покачиваюсь в кресле. — Я возьму тебя и ребенка на содержание.

Глаза все еще горят. Запахло деньгами, и она вся приосанилась. Конечно, она оскорбленно поджимает губы, но она не может скрыть свою алчность.

Я не один такой особенный, у кого ребенок на стороне от любовницы. Ничего особенного не случилось. Подумаешь, секретарша поставила меня в коленно-локтевую позу...

— Ты его запишешь на себя? У него будет твоя фамилия и отчество? — Карина встряхивает волосами.

— Такой вариант я не отрицаю, Кариша, но тогда ты ему матью не будешь.

— Что?

— Я могу его у тебя забрать, — я холодно улыбаюсь, — но тогда не идет речи о твоём ежемесячном содержании, но ты подумай еще, милая. На аборт я тебя насильно не отправлю, потому что... — оправляю пиджак за лацканы и равнодушно продолжаю, — это будет жестоко по отношению к тебе, а каждая жизнь — это дар. Ну и вдруг в тебе действительно проснулся материнский инстинкт?

— Проснулся, — опять на меня взирает глазками порочного ангелочка. — Я все понимаю, Артур. Тебя эта новость шокировала, но ты... тебе надо время все осознать и принять. Я не твоя жена...

— И очень жаль.

— Это не любовь, это привычка.

— Иди, Кариша, — сжимаю кулаки, — моя жена не твоя забота. И молись, чтобы твой трехнедельный пупсик был моим, а то тебя ничего хорошего не ждет.

Карина встает и делает шаг к столу, закусив нижнюю губу.

— Артур Борисович... — кокетливо ведет пальчиком по столешнице, томно поглядывая на меня, — как насчет... — выдыхает, — того, чтобы я вас порадовала...

— Проваливай, Кариша.

Но она меня не слушает. Обходит стол, повиливая бедрами, а затем нагло разворачивает кресло к себе. Внутри содрогаюсь от отвращения. Все, что меня привлекало в Карине, теперь отталкивает до черных пятен ярости в глазах. Какая она мерзкая в жалких попытках соблазнения, которые прежде работали на отлично.

— Артур Борисович, — медленно опускается на колени, вглядываясь в глаза, а я встаю и шагаю прочь.

— Меня ждет жена.

— Раньше тебя это не беспокоило, — летят мне в спину тихие слова, которые оплеухой бьют по затылку.

— Верно, — оглядываюсь у двери.

Карина сидит на столе и сладко улыбается:

— Я без трусиков, Артур Борисович... — сантиметр за сантиметром раздвигает ноги.

В брюках становится тесно от ее наглой провокации. Мед-

ленно выдыхаю. Меня вот переклинит, и моя агрессия перетекает в дикую похоть к бессовестной потаскушке на моем столе. И та, она без белья.

— Артур Борисович, — грациозно соскакивает со стола, задирает юбку. — Я была очень плохой девочкой, — разворачивается ко мне спиной и опирается локтями о столешницу, выгнувшись в пояснице, — меня надо наказать.

Сжимаю ручку двери. Все ее прелести напоказ. Хочу здесь и сейчас и начхать, что пять минут назад я едва сдерживался от того, чтобы не открутить голову Карине голыми руками.

— Меня... ждет... — каждое слово мне дается с трудом, — жена.

Распахиваю дверь и торопливо выхожу. Я расслабился, потерял контроль и это меня бесит. И больше всего нервирует, что Вита не боится уйти в никуда, но я должен был предположить, что она не стерпит моей интрижки, ведь когда-то именно твердость ее характера меня и очаровала.

— Он хочет провести тест на отцовство, — сижу на подоконнике и наблюдаю, как машина Артура покидает парковку.

К женушке, негодяй, поехал. Вспомнил, что он муж. Прелесть. Еще пару часов назад был рад, что она на недельку смылась в санаторий.

— Не купился? — смеется Дима в трубке. — Я же тебе говорил, что твой план очень сомнительный.

— Я недооценила его жену.

Да не в жене его даже дело, а в том, что я зря запаниковала и сказала, что в туалете таблетки выблевывала, но меня приперли к стенке. Я испугалась разъяренного взгляда Артура. Я его таким еще не знала. Я должна была давить на то, что таблетки не сработали и что случилась осечка.

— И я о ней я тебя предупреждал, Карина, — вздыхает Дима. — Пусть наш Артур Борисович хорохорится, но он к Витаминке стальными канатами привязан. И, честно сказать, они оба упрямые и друг друга стоят в плане твердолобости.

— Он ее не любит.

— Он решил в свое время, что она его женщина, Карина. И виагра в кофе по утрам...

— Ты ведь сам это предложил! — взвизгиваю я.

— Я экспериментатор, милая.

— Ты врач!

— Семейный доктор, — Дима ехидно смеется. — И ведь отчасти сработало, просто у тебя мозгов, как у курицы. Ну что, Кариша, будем тебя еще раз зашивать?

— Я реально залетела, Дим... — закрываю глаза.

— От Артура? — охает Дима.

Я молчу.

— Карина, — Дима со лживой лаской смеется. — Реально ведь курица. И это даже мило. Меня умиляет тупость людей, но ты превзошла все мои ожидания. Аплодирую стоя.

— Я не виновата...

— А кто виноват?

— Меня изнасиловали...

— Ты можешь быть честной со мной, Кариша. Я ведь доктор и умею хранить тайны, — Дима ехидно посмеивается. — Облегчи душу. Мы вроде как с тобой в одной лодке. Ты же вечно ко мне за советами бегала.

— И за неплохую плату.

— Время такое. И да, я люблю деньги. Как и ты, — Дима зевает. — Кто еще побаловался сладкой девочкой?

— Я его не знаю... — я в отчаянии всхлипываю. — Мажор какой-то. В клубе подкатил, а я выпила лишнего... Я даже лица его не помню.

Раздаются хлопки. Дима дарит мне издевательские аплодисменты. Он наслаждается моей паникой, и я подозреваю, что он был влюблен в жену Артура. Когда он о ней говорит, то проскальзывает в его голосе тихое восхищение.

— Ты прекрасна, Кариша. Я в полнейшем восторге.

— Что мне делать?

— Не знаю. Купи ползунки.

— Подделать тест на отцовство реально, если возникнет такая необходимость?

Глава 6. Разговор на кухне

Было приказано разобрать вещи и ждать. Всю дорогу молчали. Я — на заднем сидении, а Артур — за рулем. То и дело бросал беглые взгляды в зеркало заднего вида и зубами скрипел. И я тоже злилась, потому что плакать хотела, но сопли наматывать на кулак перед неверным мужем — то еще унижение. В один момент стали чужими.

К чемоданам не прикоснулась. Так и стоят у порога, а я на кухне сижу. За столом, у которого мой муж отымел секретаршу. Пью чай, и стоны Карины с рыком Артура стоят в ушах. Я никогда не была против близости. Не увиливала, не отказывала и голова у меня никогда не болела. И близость с ним не была для меня супружеским долгом или обязанностью. Я желала своего мужа.

Это он остыл ко мне в последнее время, а я решила, что у него проекты и сделки пошли сложные, а он... Я должна была заподозрить что-то неладное, однако что бы это изменило?

— Ничего, — говорю я вслух и делаю глоток остывшего чая и повторяю по слогам. — Ни-че-го.

И я жалею, что не закатила истерику. Я чувствую как мое сердце медленно, но верно каменеет, а это плохо. Со слезами и криками я бы выпустила ярость и ненависть, а сейчас она уходит вглубь, цементируется и мне тяжело. Сердце ощуща-

ет булыжником в груди.

Хлопок двери, и через несколько секунд на пороге кухни стоит Артур.

— Почему чемоданы не разобрала?

Трещина в камне. Могу заплакать, но вместо этого отставляю чашку с тихим стуком и устало отвечаю:

— Я тут не останусь.

Артур усаживается напротив. Зябко, липко и противно, будто я оказалась в болоте с жабами. Вернулся от любовницы, и уверена, что он ее одарил поцелуями и... Я не буду плакать. Я планирую кричать, вопить и кидаться на стены в одиночестве. Я проживу эту трагедию без посторонних глаз.

— Я против развода.

— Этот вопрос не обсуждается, — я поджимаю пальцы на ногах. — У тебя...

— Повторяю, я против развода, — Артур холодно улыбается без тени вины или стыда. — В ином случае ты лишишься всего.

Я молчу, потому что если скажу хоть слово, то сорвусь в слезы. Любимый муж обратился в беспринципное чудовище, а я проморгала этот момент.

— Я не люблю Карину, но она носит моего ребенка, — Артур устало массирует переносицу и закрывает глаза. — Да, у меня любовница и так случилось, что она залетела, но она согласна за некоторую сумму в месяц не отсвечивать в нашей жизни.

Поднимает тяжелый взгляд, от которого мне зябко:

— Твоя гордость тебе обойдется дорогой ценой, Вита. Мама тебя не учила, что женщина должна быть мудрой?

— Не отсвечивать? — едва слышно спрашиваю я. — Артур, это твой ребенок... — медленно моргаю. — Ты решил откупиться от ребенка? Ты что такое говоришь?

— Я понимаю, это прозвучит жестоко, но я не хотел этого ребенка и не хочу, Вита, — он постукивает пальцами по столешнице, — но и на аборт отправить Карину... Возможно, он и не мой.

— Что? — у меня брови ползут на лоб.

— Закрались некоторые подозрения, — он откидывается на спинку стула и вытягивает ноги.

— Минуту назад ты с твердой уверенностью сказал, что это твой ребенок, а сейчас... Не хочу, не мой... — обескураженно подпираю лицо рукой, — ты, что, пытаешься уйти от ответственности?

— Нет. Все сложно, Витаминка, — Артур криво улыбается. — Если я буду продолжать эту тему, то все будет выглядеть так, будто я оправдываюсь, а это не в моем характере. Пусть будет на данный момент, что Карина залетела от меня, а подробности...

— Подожди, — с губ срывается истеричный смешок, — ты хочешь сказать, что связался с той, которая могла...

— Да, — коротко отвечает Артур.

Я обескураженно откидываюсь на спинку стула.

— Ты изменил мне с обычной шлюхой? — медленно проговариваю я некрасивые слова.

— Выходит, что так.

— Давай ты скажешь, что ты ее любишь, — закрываю глаза. — Артур... Господи... Ты себя слышишь?

— Что тебя так беспокоит?

— Ты не понимаешь? — я удивленно открываю глаза. — Серьезно? Я бы поняла, если бы тебя переклинило на внезапной любви к милой скромнице. Да, такое случается, люди влюбляются, а ты...

— А я люблю тебя.

— Нет, — качаю головой и смеюсь, — нет, милый. Любимой женщине не изменяют, не унижают ее и не угрожают ей с улыбкой.

— Возможно, я в отчаянии, Витаминка, — Артур вздыхает. — Ты же знаешь меня...

— Нет, я тебя совсем не знаю, — я с ужасом смотрю на бесстрастное лицо мужа. — Тебя случайно не подменил злобный брат-близнец? Может, инопланетяне похитили и мозги тебе перепрошили? Да я лучше в инопланетян поверю, чем в то, что мой муж способен на подобную грязь. И тебе не стыдно, Артур.

— Стыдиться стоило до, а не после, — снимает пиджак и раздраженно кидает его стол.

Я замолкаю и скрещиваю руки на груди. Я ведь с ним согласна. Что толку ему сейчас краснеть и говорить, как он со-

жалеет.

— Итак, подытожим, — я сглатываю кислую слюну от-
вращения, — ты предлагаешь мне сделать вид, что ничего
не произошло? Проигнорировать рождение... — выдержи-
ваю небольшую паузу, чтобы перевести дух, и продолжаю,
— возможно, твоего ребенка, которого ты с барского плеча
будешь содержать?

— Есть еще одно предложение, — Артур буравит меня
острым и прямым взглядом, — если ребенок мой, то воспи-
тать его самим. Его мамой будешь ты.

Глава 7. Доброй ночи, Вита

Знаете ли вы ощущения вакуума и звенящей пустоты? Я его познала на несколько минут после тихого предложения Артура. Передо мной сидит монстр со стальными глазами.

— Повтори, что ты сказал... — подаю я наконец слабый голос.

— Ты ведь все с первого раза слышала.

— Значит, я не ослышалась.

— Нет.

Я прячу дрожащие руки под стол. Ну, знаете... лучше бы наша история пошла по стандартному сценарию. Жена — истерит и кричит, а муж находит сотни оправданий, в которые я готова уже поверить. Да... Хочу стандартное развитие событий с битой посудой и скандалом.

— Артур... — в отчаянии выдыхаю я. — Ты готов отнять ребенка у матери?..

— Я не питаю иллюзий на счет Карины. Она будет отвратительной матерью, — Артур недовольно цыкает.

— Остановись...

Я не знаю, какой логикой оправдывает себя Артур. Это неважно, а важно то, что на секунду я зацепилась за его предложение и оно показалось мне соблазнительным. Я хочу ребенка. Очень давно хочу подержать на руках розовощекого малыша и... часть меня готова отобрать, вырвать и присво-

ить чужого малыша. Малыша Карины. Во мне сидит такой монстр, как и в груди Артура. И мне страшно.

Я отчаянно желаю быть матерью... матерью для детей Артура. Моя обида и злость не перечеркивает и не стирает это яростное стремление. Оно иррациональное, сильное, как инстинкт, и оно рвется наружу.

— Вита...

— Я хочу развод, — шепчу я с широко распахнутыми глазами. — Мне ничего от тебя не надо, Артур. Ничего. Я буду мыть полы, жить впроголодь, но... — у меня на глазах проступают слезы, — нам надо разойтись...

— Меня обижает, что ты не готова бороться за семью... — голос Артура тихий и напоминает ночные шорохи. — За меня.

— Что же это за семья будет? Мы не имеем никакого морального права лишать мать ребенка, — сжимаю кулаки. — Как бы нам этого не хотелось. Хочешь быть отцом? У тебя теперь есть такая возможность, и я буду... — по щеке катится слеза, — рада за тебя, Артур. Я тебя умоляю, будь им. Будь, черт тебя дери, — повышаю голос, — хорошим отцом своему ребенку! Научи эту тупоголовую ссыкуху быть матерью! Наскочил на идиотку, то и за нее неси ответственность, если она носит твоего ребенка! Не будь мразью, Артур.

— Поэтому я тебя и полюбил, Вита, — он ласково улыбается.

Еще одна трещина ползет по сердцу, вторая, третья... Ка-

мень в груди разлетается на осколки, и срываюсь на крик. Я раскрываю рот в диких и каких-то животных воплях на Артура, который сидит напротив и смотрит на меня. Я реву на него раненым зверем, у которого бесчеловечно вскрыли ржавым ножом.

Артур не отводит взгляд, не опускает глаза. Он молча принимает мое отчаяние, а когда я обессиленно замолкаю, подпирает лоб кулаками.

— Я не буду просить у тебя прощение за произошедшее, Вита, — голос у него глухой, — потому что оно ничего не изменит и не решит. Да ты и не ждешь их. Объясняться я тоже не вижу смысла. Мне нечего объяснять. Я знал, что я делаю, и, вероятно, продолжил бы, — поднимает взгляд. — Задерживался, лгал и частил бы с командировками, потому что... мог. Мог и делал. И да, я посчитал, что ты смиришься. В этом и есть моя ошибка, и за нее, только за нее, я прошу прощения.

— Я хочу уйти.

— Нет, Вита, — Артур качает головой. — Это твой дом, — встает, подхватывает пиджак и накидывает его на плечи, — и мне здесь не место. За моими вещами завтра заедут, развод будет.

— Это какая-то манипуляция? — у меня голос дрожит.

— Манипуляции были до, а сейчас я в них не вижу смысла, — затягивает галстук. — Они с тобой не работают, что, буду честным, меня злит.

— Мне ничего от тебя...

— Этот дом выбирала ты, ты его же обставляла и даже самолично покупала обои, — он окидывает кухню задумчивым взглядом, — кружечки, тарелочки... — вновь смотрит на меня, — точка невозврата. Никогда не понимал эту фразу.

— Это она и есть, — едва слышно отвечаю.

— Да, — Артур медленно кивает. — Теперь я знаю, что это такое. Отвратительное ощущение, Витаминка.

— Вита...

— Принято, — приглаживает волосы и шагает прочь. —
Доброй ночи, Вита.

Входная дверь не хлопает. До меня доносится лишь тихий и мягкий щелчок, и я готова броситься за Артуром, но продолжаю сидеть в тишине.

Возможно, Артур был прав в том, что я должна была бороться за семью и за него, но разве можно смирение назвать борьбой? Ни я, ни он бы не были счастливы, если бы я согласилась на его условия.

Мое согласие бы его устроило, но не подарило бы того, что должна дарить семейная жизнь в моем понимании. Мы бы в итоге получили суррогат семьи, красивую картинку для других, за выверенными мазками которой скрывалась гниль.

Я бы его возненавидела, а он утвердился бы во мнении, что я никто и звать меня никак. Нет, к жене не должно быть такого отношения. Да, важны компромиссы в некоторых вопросах, но не унижение ради того, чтобы остаться рядом и

сохранить семью, в которой муж пошел в разнос, потому что может. Я хочу быть уверенной в партнере по жизни.

Конец. Семье Арасовых конец. Медленно опускаю голову на стол и накрываю ее руками. Я хочу умереть. Больше нет Витаминки, нет “милый, ужин готов и как прошел день?” и нет “люблю тебя”.

Глава 8. Потерять себя в пустоте

— И в чем проблема? — непонимающе усмехается Глеб.

— Любовница и что?

Я бы сам, пожалуй, тоже задал этот вопрос, если бы кто-то из знакомых поделился тем, что из-за интрижки жена требует развод, однако у меня резко поубавилась желания вести дела с Глебом. Это забавно.

— Залетела она, — покачиваю в руках бокал со льдом и едким янтарным напитком.

Лед бьется о стенки стакана, кружатся на дне. Одиннадцать лет брака. Боже, я будто в другой жизни делал предложение Вите. Воспоминания размытые, а всполохи прошлых волнений, чувств и трепета пятнами растекаются под мутным стеклом.

— Вита?

— Карина, — цежу сквозь зубы я.

— Аборт?

— А если мой? — перевожу усталый взгляд на Глеба, а тот пожимает плечами, мол, и что?

В вип-кабинке одного из баров в центре города царит полумрак. Мне душно. Я жалею, что ушел, но после крика Виты... ее отчаянного вопля... Так кричат только перед смертью, в агонии.

— Ладно, — вздыхает Глеб, — ребенком на стороне сей-

час никого не удивишь.

Ага, надо сворачивать с ним все проекты.

— Да и вообще, — Глеб усмехается, — бьешь по столу кулаком и говоришь: молчать, женщина!

И самодовольно ржет, откинувшись назад. Да, и мне по душе такой сценарий, если бы Вита смолчала и приняла мою измену, но... Как всегда, есть но. К чему бы это в итоге привело? К отвращению.

— Капризная она у тебя, — Глеб фыркает. — И своевольная.

Такой я ее и полюбил. Такая женщина и должна была быть рядом, чтобы было на кого опереться в момент кризиса. Не мямля, которая вместе со мной уйдет на дно, была мне нужна, а та, которая вытянет из трясины.

— Дружище, — Глеб снисходительно улыбается, — трагедии не случилось.

У меня глаз дергается. Мои же слова возвращаются ко мне.

— Все решаемо. Оставь ее без трусов, сама приползет.

— Не приползет.

— Ты, что, собственную жену не можешь по носу щелкнуть?

— Могу, — делаю глоток. По глотке прокатывается терпкий ожог. — А смысл?

Глеб не находит что ответить, и отправляет в рот канapé из моцареллы и оливки. Жует и бубнит:

— Ну и пусть катится. К черту этих истеричек! — возмущенно поддается в мою сторону. — Мы их обеспечиваем, балуем, а взамен?

— Сколько раз ты был женат?

— Четыре раза, — Глеб пьяно моргает. — И все, как одна, стервы.

— Что ж ты их по носу не щелкнул?

— У меня другая ситуация. Я был инициатором развода, — вновь откидывается на спинку диванчика, всплеснув руками, — и где я, а где они?

— И дети у тебя есть... Вроде, в последнем браке... Мальчик и девочка, да?

— Детей я обеспечиваю, — Глеб горделиво улыбается. — Я же не сволочь.

— Сколько им?

И Глеб серьезно так задумывается над простым вопросом. Он не знает, сколько лет его детям. Я будто смотрю в зеркало. И я хочу уйти. Желание четкое, осознанное и мне... противно.

— Пацану вроде два... или три... Девчонке...Пять? Или шесть?

Он даже их по именам не называет. Пацан и девчонка. И слышу легкое пренебрежение в голосе.

— Ты меня спрашиваешь, сколько твоей дочери лет? — удивленно приподнимаю бровь.

Вероятно, про даты рождения нет смысла уточнять. Под-

нимаю взгляд к потолку. Хотел бы я сейчас испытать чувство вины и сожаление, ведь они бы тогда меня освободили. Я в свободном полете в пустоте, и все еще придерживаюсь мнения, что предложение воспитать с Витой моего возможного ребенка — логичное и правое. Я бы хотел этого.

— Будь у вас дети, все было бы проще, — Глеб зевает и прикрывает рот ладонью.

— Но у нас нет детей.

— Тогда это не семья.

— Какие интересные умозаключения, — с улыбкой поднимаю бокал. — Я даже выпью за это.

Глеб не слышит в моем голосе сарказма и с улыбкой со мной чокается.

— И кто она без тебя? — выпивает до дна и оставляет стакан. — И сколько их таких? Удобно пристроились. Деньги тянут, живут на всем готовеньком, ничем не заняты, а нам ходи по стойке смирно. Нам, что, похоронить себя? Это, мой дорогой друг, наглость несусветная! И ладно бы были дети! А она даже на это не способна.

Я встаю, обхожу стол и тихо говорю:

— Встань, пожалуйста.

— Что?

Глеб непонимающе подчиняется и ворот на рубашке поправляет, а затем получает выверенный удар в челюсть, от которого он заваливается назад и падает на диван.

— Какого... — хватается за лицо и раздается противный

хруст, на губах проступает кровь. Глаза вспыхивают яростью. — Ты в своем уме?

— Она все еще моя жена, Глебушка, и даже когда будет бывшей женой, то выбирай выражения, будь добр. Она к тебе всегда хорошо относилась, ведь так?

— Так, — Глеб держится за челюсть.

— И ты всегда говорил Вите, что мне с ней повезло. Говорил?

— Говорил, — медленно моргает.

— И на задницу ее вечно пялился, — я щурюсь.

— Нет, — Глеб лживо улыбается, — да я бы никогда...

— Да, дружище, — я медленно киваю. — Ты хотел отыметь мою жену. И я тебя предупреждаю... — улыбаюсь, — по-дружески, ты к ней не ходи, чтобы утешить.

— Да за кого ты меня...

— Я лишь предупреждаю, а то я помню твои “Виточка, если что, то я и тебе друг. Если что, можешь жаловаться на своего мужа мне”.

— Это же была шутка, — испуганно бубнит Глеб. — Ты чего?

— Вот и я пошучу, — сажусь рядом, поддаюсь в его сторону и тихо проговариваю каждое слово, — сунешься к Вите, то я тебе ноги переломаяю. Ну как? Смешно?

— Нет.

— Я так и думал, — похлопываю Глеба по колену и встаю.

— Ладно, тебе простительно, — вытирает кровь, — у тебя

сердце разбито. Не каждый же день развод.

— В том-то и дело, что не разбито, — шагаю к двери, ослабляю галстук.

— Тогда у тебя явные проблемы.

— Вероятно, — оглядываюсь, и Глеб нервно сглатывает.

— И, кажется, твоей дочери в прошлом году было семь.

Глеб обескураженно моргает, и я выхожу в темный коридор. Да, у меня проблемы. Я потерял не просто жену, я потерял себя. Я был другим, но уже не помню кем.

Глава 9. Тебе есть куда идти?

— Вита! — я вздрагиваю от голоса свекрови, которая влетает в спальню и смотрит на меня круглыми глазами. — Что ты делаешь?!

А я вещи оставшиеся собираю. Я не останусь в доме, в котором все напоминает о муже и нашей совместной жизни. Я ночь не спала. Так и просидела на кухне с пустой чашкой, на дне которой засохли чайинки. Не могу. Мне не нужен этот дом. Я тут мечтала, смеялась и готовила ужины.

— Вита... — Татьяна Михайловна сглатывает, — мне соседка ваша позвонила... ночью... Говорит, спать не могу, потому что...

— Вы общаетесь с нашей соседкой?

Кивает и глаза на миг отводит. Она через соседку за нами шпионит?

— Я и Артуру звонила, — Татьяна Петровна делает ко мне шаг. — Вита... Не руби плеча...

— Что он вам сказал?

Поджимает губы и садится на кровать, сцепив руки в замок:

— Что у него любовница, — поднимает взгляд, — и что она...

— В интересном положении, — кидаю футболку в чемодан.

Свекры ждали внуков. Каждая встреча, каждое застолье заканчивались пожеланиями и надеждами, что скоро мы их обрадуем хорошей новостью. Честно сказать, я этих встреч боялась и очень перед ними нервничала. Я себя часами настраивала на улыбки и на ответы “мы стараемся” и “мы тоже ждем чуда”.

— Вита...

— Да? — складываю блузу.

— Такое случается...

— Это Артур так сказал?

— Он лишь выдал мне сухие факты, — Татьяна Михайловна вздыхает. — Будто ты его не знаешь.

— Нет, не знаю. Я совершенно его не знаю.

— И что теперь?

— Развод.

— Как так? — Татьяна Михайловна хлопает ресницами.

— Вита, я понимаю, тебе сейчас сложно и больно, но... это не выход.

— Женщина должна быть мудрой? — горько усмехаюсь я. — Так?

— Я бы сказала хитрой.

— Я никогда не была хитрой, — укладываю блузу поверх остальных вещей. — И что вы мне предлагаете? Согласиться отобрать у молодой дурехи ее ребенка и присвоить себе?

— Что? — Татьяна Михайловна в изумлении округляет глаза. Такие же серые, как у Артура.

Я присаживаюсь рядом и блекло смотрю на распахнутый шкаф. Как же мне страшно.

— Кто она? — тихо спрашивает Татьяна Михайловна.

— Секретарша. Очень милая на личико, но, — поглаживаю колени, — нагловатая. Возможно, это влюбленность и отчаяние в ней говорит.

— Какой у нее срок?

— Небольшой, живота еще нет.

— Может, обманывает?

— Даже если так, — обращаю взгляд на бледную све-кровь, — это что-то меняет? Я их застукала на кухне.

— Все можно преодолеть, Вита. Семейная жизнь полна сложностей и неурядиц, — Татьяна Михайловна слабо улыбается, — и многое зависит от женщины. Ты ведь умная девочка. Моча ему в голову ударила. Ему тридцать семь, а это почти сорок, а сорок лет, Вита, для мужика это... рубеж.

— Понять и простить?

— Выждать.

— Чего выждать? — шепотом спрашиваю я.

— Когда страсти улягутся, Вита, — берет меня за руку и вглядывается в глаза, — когда отпустит.

— Это хорошо, что вы пришли...

— Да, милая, — она кивает с ласковой улыбкой, — я хорошо тебя понимаю.

— Я вам ключи от дома оставлю, — встаю и закрываю чемодан. Молния на уголке не поддается, а я сглатываю ком

слез. Раздраженно дергаю язычок молнии. — Я просто не могу...

— И куда ты? К родителям?

— Нет, — Ставлю чемодан на колесики.

— И куда? — повторяет Татьяна Михайловна. — Вита...

— касается моей руки. — Посмотри на меня. Тебе есть куда идти?

Глава 10. Негодяй!

— Негодяй! — в кабинет разъяренной фурией влетает мама. Сжимает ручку и шипит. — Что ты натворил?!

Отвлекаюсь от вороха документов и поднимаю взгляд, откладывая карандаш:

— Мама?

— Почему ты здесь сидишь? — захлопывает дверь и прет на меня медведицей.

— А где я должен быть?

— С женой! — рявкает она, и через секунду оказывается передо мной. — С женой ты должен быть, мерзавец!

Замахивается сумочкой и бьет меня. Я едва успеваю прикрываться и уворачиваться от ее ярости.

— Кобелина проклятый! Бессовестный! Бумажки сидит свои перебирает с важным видом! У него семья рушится, а он сидит себе тут!

— Мама! — повышаю голос, вскакиваю на ноги и вырываю ее сумку. Отбрасываю ее на стол, но меня сыпят слабые, но очень злые удары ладонями.

— Подлец!

Перехватываю ее запястья и цежу в лицо:

— Прекрати.

Она вырывает руки и отступает.

— Где она, — сжимает кулаки.

— Кто?

— Твоя секретарша, — шипит в жгучей ненависти, — если Вите не позволяет ее достоинство оттащить ее за волосы, то это сделаю я! И пару раз лицом о стену!

— Я ее уволил.

— Что же ты раньше этого не сделал?

— Мам, — отворачиваюсь к окну и сжимаю переносицу, — я тебя прошу, уходи.

— Ни стыда, ни совести у тебя, — говорит она с блеклым разочарованием, — ни капли раскаяния.

— А чем мне это раскаяние поможет? — резко разворачиваюсь к маме и цежу сквозь зубы. — Что оно мне даст?

— Даже твой отец не смел так себя вести, — мама окидывает меня печальным взглядом. — Ты привел шлюху в свой дом. Позволил жене увидеть... — она с отвращением кривит губы, — и считаешь, что все нормально?

— Чего ты ждешь от меня? Вита не будет слушать моих извинений, потому что я сам, — бью по груди, — в них не поверил бы. Ясно? Я трахал секретаршу на протяжении двух месяцев, а на столе, мама, — вскидываю руку на фотографию меня и Виты в золотой рамочке, — снимок моей жены. Я после звонка Виты, вызывал секретаршу и...

— Избавь меня от подробностей... — мама кривит губы.

— Какие тут извинения, мама, и раскаяние? — я делаю к ней шаг. — Или ты ждешь того же, что и от моего отца? Я помню, мама, тот день, когда он ползал перед тобой на

коленях и сопли распускал.

— Ты же был маленький...

— Жалкое зрелище, — я обнажаю зубы в оскале неприязни, — и я помню твои слезы на протяжении долгих лет. Ты и сейчас иногда смотришь на папу с тенью гнева и разочарования. И ты ему не веришь. Улыбаешься, слушаешь его слова о любви, но не веришь. Помогло тебе его раскаяние? Только честно, мама.

— Нет, — в уголках блестят слезы. — Но я... мы хотели сохранить семью...

— Сохранили, мать вашу! — переворачиваю с грохотом стол и откидываю кресло. — Молодцы! А толку?!

Мама закусывает губы, закрывает глаза и обнимает себя за плечи. Стекло на фотографии разбито.

— Мам, у меня очень велико желание скрутить Виту в бараний рог, — ослабляю галстук и раздраженно приглаживаю волосы. — Задавить ее, вынудить остаться, но в итоге я получу обезумевшую женщину. Ползать на коленях я не буду. Ну, не мое это, и я тебе дал четкий ответ почему. Еще вопросы?

— Что с ребенком? — мама смахивает слезы с щек и твердо смотрит на меня. — Ты его признаешь официально?

Глава 11. Как жизнь молодая?

У меня на личной банковской карте лежат деньги. Да, фактически, это деньги Артура, который ежемесячно выделял мне сумму на расходы, личные нужды и “купи себе что-нибудь красивенькое”, но сейчас я не в том положении, чтобы гордо закрывать счет и резать карты. Пойдут эти деньги не на кружевное белье и туфельки, а на мое убежище.

Буду считать это моральной компенсацией. Забавно, даже мой побег из дома мне обеспечил муж. Какой он у меня! Не мужик, а золото!

Плетусь я по улице уставшая и злая. Пока чемоданы ждут меня у соседки, я целый день потратила на звонки и осмотры комнат, квартир и... Треть из предложений — обман, часть — “дорого и клопы”, другие же хозяева просто не приехали.

Хочется плюнуть на все и затаиться дома. Артур же наше “уютное гнездышко” оставил мне. Вынесу из кухни стол и выкину его, чтобы не напоминал о том, с какой сладкой страстью мой муж любил другую женщину. Притормаживаю. Я только что прошла кафе, в котором чуть по глупости не отдалась молодому баристе.

— А я закрылся, загадочная незнакомка, — летит мне в спину беззаботный голос. — Но для тебя я сделаю исключение.

Разворачиваюсь. Стоит на крыльце. Лихой такой, в ко-

жаной куртке, джинсах и ключами крутит на указательном пальце, громко бряцая ими.

— Привет, — улыбается во все тридцать два зуба.

На носу белый пластырь, а вокруг небольшой отек.

— Привет.

— Пойдем выпьем кофе, — решительно открывает дверь и распахивает ее. — Прошу.

— Но я...

— Я по одному виду человека могу сказать, когда ему нужна чашка кофе, — он хитро подмигивает мне, — и она тебе жизненно необходима.

— Все настолько плохо?

— Очень, — бариста кивает и легко смеется. — Ты когда прошла мимо, я подумал, начался зомби апокалипсис.

— И я, как и зомби, не отказалась бы от мозгов, которых у меня в дефиците, — устало поднимаюсь по ступеням.

Его молодость, энергия и беззаботность — то чего мне очень сейчас не хватает, а его заразительный смех пробуждает что-то светлое и легкое в груди.

Через пять минут передо мной стоит высокая стеклянная кружка с тем самым авторским кофе. Я делаю глоток и салфеткой вытираю пену с верхней губы.

— Ну, рассказывай, — бариста сидит напротив, откинувшись на спинку стула. — Как жизнь молодая?

— Ищу угол, где бы я могла спрятаться.

— От психованного мужа? — весь напрягается и обеспо-

коенно хмурится. — Он тебя обижает?

— Мы решили разойтись.

— И он отпустил тебя? — недоверчиво спрашивает бариستا. — Что, его секретутка все-таки залетела?

— А ты весь наш с ней разговор подслушал, да?

— Я неспециально. Места тут мало, — он разочарованно окидывает кафе взглядом и вновь смотрит на меня. — Что же, счастья им по самую макушечку.

— И я того же мнения, — печально вздыхаю.

— Видишь, как мы быстро нашли общий язык, — поддается в мою сторону и подпирает лицо ладонями. — Какое между нами взаимопонимание.

— Вот и не могу ничего найти, — ловко перевожу тему, смутившись под его немигающим взглядом, — а дома не хочу быть. Даже хостелы и то все забиты.

— Хочешь пожить у меня? — улыбается еще шире.

— Что?! — поперхнувшись кофе, прижимаю салфетку к губам. — Нет.

— Я должен был попытаться.

— Прости, но нет, — откладываю салфетку.

— Но тебе все равно повезло, что у тебя есть я, — вновь самодовольно откидывается назад, — а мне повезло, что у меня сестра - риелтор, — ныряет в карман куртки рукой и выуживает из него смартфон, — выдохни, сейчас все будет в лучшем виде. Она у меня умница.

— Не надо...

— Поздно, — с хитрющей, как у юного демона, улыбкой прикладывает телефон к уху, — расслабься и получай удовольствие.

Глава 12. Плачу наличными

Я выхватываю Карину взглядом сразу, как только она заходит в ресторан. Красивая, молодая и стервозная. От моего внимания не ускользает то, как она пренебрежительно зыркает на менеджера зала. Заметив мою поднятую руку, она сразу меняется в лице. Надевает маску милой и наивной девчушки.

— Ой, здарсьте, — подбегает к столику, за которым сижу с чашкой ромашкового чая. — Я Карина.

— Татьяна Михайловна, — оставляю чашку.

— Ой, я так волнуюсь, — присаживается за стол и мило улыбается.

— А чего ты волнуешься?

— Я надеяться не могла, что Артур решит познакомить меня со своей мамой...

Ну, какая прелесть. Меня с головой накрывают воспоминания о такой же прошме, которая к моему мужу устроилась под бочок. Что же, Артур сын своего отца.

— Это была моя инициатива, Карина, — вздыхаю. — А не моего сына.

Губки надувает и глазки тупит. Ути-пути. Я под столом сжимаю кулаки. Я проецирую свою боль на любовницу своего сына. Вот тянет же мужиков на симпатичных дворняжек.

— Ты действительно в положении? — поглаживаю тонкий

край фарфоровой чашечки.

— Конечно! — вспыхивает праведным гневом.

— От Артура?

— Да! — хмурит бровки. — От кого же еще?

— Мой сын не единственный мужчина в мире, — клоню голову набок.

— Вы меня обижаете...

— Не заливай, — раздраженно щелкаю пальцами по чашечке. — Карина... Ты на что надеешься?

— Не надо со мной так... — жалобно всхлипывает, и подаю ей салфетку.

Промакивает глаза и шепчет:

— Я люблю Артура...

— Милая, — подпираю лицо рукой, — не разыгрывай хотя бы передо мной спектакль. Любит она, ишь ты.

— Это его ребенок, — бьет кулачком по столу.

— Если его, — слабо улыбаюсь, — то меня можно поздравить. Я буду бабушкой.

— Возможно, не только бабушкой...

— Прости? — недоуменно вскидываю бровь.

— Ребенок должен родиться в полной семье... С папой и мамой, — шмыгает и со светлой надеждой смотрит на меня, — в законном браке.

Тупая и наглая дрянь. И что мужчины находят в подобных экземплярах? В висках пульсирует кровь. Давление повышается.

— Я думаю, что Артур признает официально своего ребенка, — постукиваю пальцами по столешнице. — И в твоих интересах не пытаться сейчас с ним заигрывать, Карина, а то он в силах лишит тебя твоего дитя, и я не буду его осуждать...

— Он не...

— Посмеет, Карина, — недовольно цыкаю я. — И сделает это все по правилам, через суд, у тебя ведь, вероятно, ничего нет за душой. Мой тебе совет быть тише воды, ниже травы, если ты, конечно, дорожишь ребенком, а не видишь в нем только возможность развести Артура на деньги. Я сама мать и поэтому считаю, что ребенка должна быть мама.

— Я буду хорошей мамой... — прижимает ладонь к животу. — И я уже люблю своего малыша.

— Иди, — закрываю глаза.

— Но...

— Иди, Карина, — повторяю я.

Карина встает и обиженно цокает каблучками прочь. Дожидаюсь, когда она выйдет из ресторана, и набираю по памяти номер, о котором никто не знает.

— Тань, я же сказал, что если будет что-то на твоего мужа, то сам тебе позвоню, — гудки обрываются недовольным мужским голосом. — Чист, твой супруг. Никаких баб. Ни молодых, ни старых.

— Лёш, надо за девочкой одной присмотреть, — делаю глоток чая, провожая хрупкую фигурку Карины, что шагает

по тротуару. — И как обычно, плачу наличными.

Глава 13. В самое сердце

Пока я, вся красная и опешив раскрываю рот в немых возмущениях на “получай удовольствие”, мелкий засранец говорит в трубку:

— Привет, Лен. Я по делу. Нужна квартира, срочно.

— Вот пакостник, — обескураженно шепчу я, а бариста мне подмигивает.

— Кто ищет? О, Лена... — скалится в улыбке, — прекрасная женщина, которая переживает развод с мужем-тираном, — обращается ко мне, прикрыв смартфон, — сколько комнат?

— Одна? — неуверенно отвечаю я.

— Одна, — повторяет бариста. — Да, Лен, срочно. Ага, и как обычно, покрасивше и подешевле. Не фыркай мне тут, я же знаю, что у тебя всегда есть варианты. Ты же у нас умница.

Я опять рот открываю. Да кто же такому хитрецу откажет? Никто.

— Вот видишь, а бурчала, — смеется бариста. — Адрес? Скинь сообщением, я не запомню. И нет у меня ручки. Все, давай, целую.

Откладывает телефон и самодовольно улыбается:

— Ну вот, говорил же, повезло тебе со мной. Будет тебе уголок для гордой и одинокой.

— Жестоко.

— Нет ничего оскорбительного в гордой и одинокой, — приглаживает волосы и опять очаровательно улыбается, — особенно для меня.

— У меня вопрос.

— Какой?

— Почему мужчины изменяют?

— Довольно философский вопрос, загадочная незнакомка, — бариста стучит пальцами по столешнице и задумчиво смотрит на меня. — А что ответил твой муж?

— Потому что мог.

— А он у тебя честный, да? — хмыкает бариста.

— Все так просто?

— Да, — пожимает плечами и улыбается. — Решил, что имеет право, а вот почему у него появилась такая уверенность, это хороший вопрос.

— Ты мне не помог, — отставляю кружку с кофе и тоскливо смотрю в окно.

— Я тебе еще подкину не очень приятного, — бариста вздыхает, — измены зачастую к любви не имеют никакого отношения. Это женщины изменяют с чувствами и эмоциями, а мы нет.

— Чудовищно, — шепчу я.

— Но я не такой, — смеется бариста, когда я перевожу на него взгляд. — Честное слово.

— А женщинам больно...

— Да, поэтому мужчины, — поддается ко мне, — вполне

могут принять решение не смотреть по сторонам, чтобы не делать больно близкому человеку, но могут об этом забыть. Почему твой муж мог забыть, что тебе нельзя делать больно?

— Разлюбил?

— Я увидел в его глазах отчаяние, — бариста щурится. — Такую богиню разве можно разлюбить?

— Притормози.

— Ты знаешь, я был лучшим на курсе пикапа, — обнажает зубы в самодовольной улыбке, но ты крепкий орешек. Я начинаю в себе сомневаться, и это тоже больно.

— Мы тут про моего мужа говорим...

И тут я понимаю, что имени баристы до сих пор не знаю.

— Как тебя зовут?

— Илья, — он понижает голос до восторженного шепота. — Это случилось, мы перешли на новый уровень знакомства. Подожди... — обмахивает лицо ладонью, — я очень волнуюсь... Раз-два-три... А как тебя зовут?

Ну, невозможно сдержать смех. Он мастерский отвлекает меня от тоски и мыслей о разводе.

— Вита.

— А полное?

— Виталина.

— В самое сердце, — прикладывает руку к груди, закатывает глаза и откидывается на спинку, запрокинув голову. — Я все ночами гадал, как тебя зовут... Виталина... Илья и Виталина...

— Прекрати, — глотаю тихий смешок, и на столе коротко вибрирует телефон, который хватает Илья.

— Поехали, — решительно встает. — У нас есть адрес. И как раз с сестрой познакомлю.

Глава 14. Уже ревнуешь?

— Собственно, вот, — улыбается Лена.

Лена старше Ильи лет на пять, но они очень друг на друга похожи. Оба зеленоглазые, с милыми конопушками на бледных лицах и улыбочивые. Лена немного напряжена и с недоверием то и дело поглядывает на меня. И неудивительно, ее младший брат притащил с собой взрослую женщину.

— Миленько, — подытоживает Илья, оглядывая крохотную квартиру-студию на десятом этаже в новостройке.

Квартира меньше нашей с Артуром гостиной, но тут миленько. Все такое компактное и нет лишнего свободного метра. Диван, шкаф и небольшая кухонная зона. Реально угол для гордой и независимой.

— Я еще не успела ее вбить в базу и выставить, — Лена перекидывает сумку на плечо, наблюдая за тем, как Илья нагло заглядывает в кухонные шкафчики, а после плюхается на диван. — Цена для этого района адекватная. Рядом метро...

— Но я же просил однокомнатную, — Илья перекидывает ногу на ногу.

— Есть однокомнатная, но в два раза дороже, — недовольно шипит Лена. — И там хозяева не пойдут на уступку, и с ними будет много проблем. Они там над каждой розеткой трясутся.

— Меня устраивает, — тихо отзываюсь я. — Мне много места не надо...

— С риелторами стоит быть построже, — цокает Илья.

— Чего ты хвост распустил? — Лена хмурится, сердито сверкнув глазами.

— Распустил? — Илья оглядывается через плечо, будто у него и правда есть хвост, и охает. — И правда, распустил! А ну, спушись обратно!

— А где сами хозяева?

— Если все устраивает, то завтра хозяйка приедет со мной и будем подписывать договор...

— Но нам заехать надо сегодня же, — возмущенно перебивает Лену Илья. — Я же сказал, срочно.

Лена переводит на меня уставший взгляд:

— Как он мне надоел. По голове бы его чем-нибудь тяжелым стукнуть. Можно нескромный вопрос, как вы познакомились...

— О, это была сама судьба, — мечтательно тянет Илья.

— Я кофе зашла выпить, — тихо оправдываюсь я.

— Судьбоносный кофе, — смеется Илья. — И никак иначе. Когда она вошла, то запели ангелы... и я понял...

— Что ты полный дурак, — Лена переводит на него злой взгляд и скрещивает руки на груди. — Харе, Илюх. Не купится.

— Просто ты мешаешь.

— Вот говнюк.

— Сама такая, — беззлобно отвечает Илья. — Что ты пристала? Какая разница, как мы познакомились? Сейчас важно то, что ей надо когти рвать от мужа-идиота.

— Это он тебе личико разукрасил? — Лена вскидывает бровь.

— Споткнулся, упал и рожей об косяк врезался, — сердито отвечает Илья.

— Между вами что-то есть? — Лена вновь смотрит на меня.

— Нет.

— Но все может быть...

— Я тоже готова стукнуть его по голове, — слабо улыбаюсь строгой Лене.

— Не поможет, — она утомленно вздыхает. — Ему не раз уже стучали. И я в том числе.

Копается в сумке и протягивает связку ключей:

— Можете въезжать. Я хозяйку предупрежу. Там милая девочка...

— Насколько милая? — восторженно восклицая, Илья приосанивается.

Мы с Леной возмущенно смотрим на него, а он смеется и откидывается на спинку дивана, хитро глядя на меня:

— Уже ревнуешь, да?

— Всё, я больше не могу, — Лена распахивает входную дверь, — я ретируюсь, а то я за себя не ручаюсь. До встречи, Вита.

Дверь хлопает, и Илья улыбается:
— Ну вот, мы, наконец-то, одни.

Глава 15. Ни о чем не жалею

— Ой, а как мы с твоей сестрой свяжемся? — ойкаю я и выскакиваю в коридор.

Пока Илья не очухался, я запираю дверь на ключ и бегу к лифту, у которого скучает Лена.

— Я его заперла, — приваливаюсь к стене.

— Что? — Лена недоуменно смотрит на меня и смеется.
— Заперла?

— Да... — сдуваю локон со лба и торопливо объясняю, — у меня с вашим братом ничего не было. Честно. Он, конечно, милый, но... старовата я для него, а еще я не в том состоянии, чтобы сейчас... Я действительно развожусь с мужем, — выдыхаю и торопливо добавляю, — но не из-за Ильи. Нет, он тут ни при чем, пусть и странно себя ведет.

— Он такой, да, — Лена медленно кивает. — Он и меня однажды вытащил из почти-развода. Он в этом мастер-фломастер.

— Почти-развода?

— Жених изменил с подругой, — Лена печально улыбается, — вот я рыдаю, а вот через два дня в горах Алтая бегаю с Ильей за сусликами.

— За сусликами?

— Он меня подло обманул, что на Алтае живут полосатые суслики, — Лена пожимает плечами. — И даже фото-

графии показывал, а оказалось, что фотошоп. Ну, не сволочь ли? И да, обман с сусликами вышел куда возмутительнее, чем неверный жених. Я до сих пор верю, что где-то есть полосатые суслики, как маленькие тигры.

— Если веришь, то они существуют, — к нам вальяжно выходит Илья и улыбается мне, — надо не только верхний замок закрывать, но и нижний. Верхний изнутри защелкой открывается.

— Он меня пугает, — шепчу я Лене.

— Но тебя он хоть в пещеру не заманивал с обещаниями, что вот тут точно суслики есть, — Лена ежится и передергивает плечами.

— Виту сусликами не заманишь, но вот рыжими пятнистыми зайцами с короткими ушами...

Мы с Леной недоверчивозираем на Илью. Точно знаю, что я пятнистые зайцы с короткими ушами — наглая ложь, однако вдруг существуют?

— И я знаю, где они водятся, — Илья лучезарно улыбается.

— Опять обманываешь? — Лена сводит брови вместе.

— Да.

— Вот гад.

— Грешен, не буду отрицать, — перекачивается с пяток на носки, — телефончиками обменялись?

— Ой, точно, — Лена округляет глаза и достает смартфон, — диктуй номер.

— Да, диктуй, — соглашается Илья и тоже держит смартфон наготове.

Я мягко выхватываю у Лены телефон, отворачиваюсь от возмущенного Ильи и набираю свой номер.

— Какое коварство, Вита.

— Не говори ему мой номер, — возвращаю Лене телефон, — пожалуйста.

— Заметано, — Лена подмигивает и забегает в лифт, который с приятной трелью открывается перед ней.

— Я возмущен, — Илья прячет смартфон в карман и разворачивается ко мне. — Я думал, что между нами лед тронулся.

— Илюш, — я серьезно смотрю в его лукавые глаза, — я тебе очень благодарна за твое равнодушие, желание приободрить и отвлечь...

Илья обхватывает мое лицо руками и в следующую секунду обрывает тихую речь поцелуем. На мгновение я зависаю, а после зло отталкиваю его и наношу звонкую пощечину, когда он отшатывается:

— Ты что творишь?!

— Я ни о чем не жалею, — крутанувшись на пятках, шагает к двери, над которой висит табличка со схематичной лесенкой и бегущим вниз человечком.

В кармане вибрирует телефон, и я автомате принимаю звонок.

— Вита? — звучит мрачный голос Артура, а Илья скры-

вается за дверью.

Глава 16. Что ты замолчала?

— Вита...

— Я слушаю, — сипло отвечаю я. — Чего тебе?

— Что у тебя с голосом? Что-то случилось?

У меня щеки горят, сердце бьется в груди моторчиком, который вот-вот взорвется, а ладони вспотели. Я касаюсь губ, которых коснулся наглый и внезапный поцелуй, и отвечаю:

— Все в порядке...

И издаю нервный смешок. Какой в порядке? Мне изменил муж, меня ждет развод и клинья подбивает молодой и нахальный бариста. Да дайте вы уже мне спокойно пострадать, в конце концов.

— А почему голос дрожит? — с тихим подозрением спрашивает Артур.

Вероятно, голос у меня дрожит не так, как должен дрожать у женщины, которая застучала мужа за изменой.

— Что ты хотел? — хмурюсь и шагаю к двери своего маленького логова. — И я тебя заблокировала.

— Да, и это было глупо, — Артур вздыхает. — Новый номер пришлось купить.

— И мне ведь никто не помешает и его заблокировать.

— Вита, господи... — мне кажется, что я вижу, как мой муженек закатывает глаза, — Нас ждет с тобой развод. Нам надо коммуницировать...

— Коммуницируй со своей шлюхой, — цежу сквозь зубы я и вздыхаю, — пусть твои юристы мне звонят, а тебя я не хочу слышать, Артур.

— Как ты легко перечеркиваешь наши отношения...

— Так же легко, — едко отзываюсь, — как ты натягивал свою секретаршу по самые, сволочь ты подлая, бубенчики.

— Бубенчики? — повторяет Артур со смехом. — Какая пошлость, Вита.

— Оставь меня в покое, — я захожу в квартиру и приваливаюсь к двери спиной, — у тебя есть другие заботы. Беременная потаскуха... — на небольшом столе у холодильника замечаю сердечко из сложенной красной салфетки.

— Что ты замолчала?

— А тебе какое дело? — сажусь за стол и касаюсь сердечка.

— Соскучился по твоему голосу, — бархатно шепчет Артур.

— Говори, что хотел, — сжимаю переносицу, а самой сердце сжимается от его голоса.

— Ты готова в пятницу встретиться с моим юристом и подписать документы на развод? — тон Артура становится холодным и отстраненным.

— Готова, — без тени сомнения отвечаю я.

Молчание, а я подпираю лицо ладонью, разглядывая бумажно сердечко.

— Артур, не тяни резину, — закрываю глаза. — Во сколь-

ко и где я встречусь с твоим юристом? Давай ближе к делу.

Артур сбрасывает звонок, а я недоуменно моргаю. Психанул? Или связь шалит? Но перезванивать я не буду. Вдруг я его отвлеку от Карины, которой он целует животик и ласково с ним воркует.

Жалобно всхлипываю, и телефон коротко вибрирует, оповещая меня о том, что пришло сообщение от незнакомого номера, а в нем время и адрес. Адрес того самого ресторана, где Артур сделал мне предложение. Очень символично: подписать документы на развод там, где я плакала от счастья.

Так, забрать чемоданы, распахнуть вещи в шкаф и поплакать под душем. Мне важно порыдать, промотать в голове все теплые и хорошие воспоминания и собрать их в коробочку, а коробочку закопать. Я должна похоронить неверного мужа, осознать, что совместного будущего с ним у меня не будет, как бы мне сейчас ни хотелось вновь услышать его голос.

Бью ладонью по столу несколько раз, закусив губы до боли. С подбородка капает несколько горячих слез, и я поднимаю лицо к белому потолку. Я приду на встречу с юристом спокойная, холодная и невозмутимая. В тот день, когда Артур сделал мне предложение, я была в легком платье нежно-голубого оттенка с рукавами-фонариками и в плоских боножках из тонких ремешков, а в пятницу приду в красном платье с открытыми плечами и на шпильках.

Вошла в семейную жизнь наивной девочкой, а выйду из

нее обманутой, но несломленной женщиной.

Глава 17. Ромашки

— Мы еще кого-то ждем? — спрашиваю я у Лены, когда в дверь кто-то стучится.

Она переглядывается с Машей, хозяйкой квартиры, и качает головой. У меня сердце в пятки. Когда я ночью забирала чемоданы, то мне казалось, что Артур наблюдает за мной из теней. Вдруг он за мной проследил и явился, чтобы выяснить со мной отношения.

Я встаю и твердым шагом подхожу к двери. Опять стучатся, и я поджимаю губы. Распахиваю дверь, и смуглый мужик с черными усами и с букетом ромашек в руках испуганно ойкает:

— Только не бейте!

— Вы кто?

— Я цветы доставальщик, — запинается он.

— Доставщик цветов? — строго поправляю я.

Сует букет мне:

— Ага и до свидания, — и торопливо ретируется, буркнув под нос, — чуть не съела.

— Вы ошиблись, — выглядываю в коридор.

— Нет, — скрывается в лифтовой кабине. — Ничего я не ошибся.

Я возвращаюсь удивленная за стол и отрываю от белой оберточной бумаги листочек, на котором написано “твой

мальчик” и смайлик. Лена хмурится:

— Кажется, я догадываюсь от кого.

— От кого? — Маша отвлекается от договора и с детским любопытством хлопает ресницами.

— От моего брата-идиота, — Лена устало вздыхает и смотрит на меня. — Так ведь, да?

— Не факт, — уклончиво отвечаю я. — Мало ли на свете мальчиков...

— Дай сюда, — Лена переваливается через стол и выхватывает записку. Пробегает глазами по ней и цыкает, — это его почерк.

— О, это так мило, — Маша подпирает лицо кулаком и мечтательно разглядывает букет в моих руках. — Розы — это банальность, а ромашки... ромашки это наивно и трогательно.

Краснею до кончиков ушей. Я не знаю, как реагировать на подобное. У меня дома всегда были свежие цветы. Раз в два дня приезжал флорист с букетами пионов, роз, орхидей и лилий и создавал настоящие шедевры, которые расставлял по вазам. Романтики в этом не было, только красивая рутина.

Сам Артур в последнее время не радовал меня цветами, ведь какой смысл тащить очередной веник, когда он платит цветочной компании, чтобы та следила за наличием красоты в его доме?

— Я его старше на тринадцать лет, — тихо говорю я и жду

осуждения в глазах Лены и Маши.

Они должны возмущенно цокнуть и отрезвить меня. Я как бы на пороге развода, умудренная жизнью женщина, а Илья — молодой и нахальный бариста, который хочет приключений на свою пятую точку. Ему уже чуть нос не сломали, а букет ромашек тянет на что-то посерьезнее.

— Лен, может, ты ему скажешь, что он... — откладываю букет ромашек.

— А я ему не нянька. Я с ним в детстве намаялась, — Лена издает нервный смешок. — И клал он на других... Не буду ругаться и смущать вас, девочки, но он та еще заноза в заднице.

— Любви все возрасты покорны, — отвечает Маша и касается ромашек.

— Нет! — испуганно шепчу я. — Вы что? Я замужем!

— Ты ж разводишься, — Лена вскидывает бровь.

Я вскрикиваю, когда на столе требовательно вибрирует телефон, а вместе со мной Маша и Лена, а на экране высвечивается имя нашего с Артуром семейного доктора:

Дмитрий Ляхин.

— Муж, что ли? — шепотом спрашивает Маша и округляет глаза. — Вот у него чуйка, да? У него там, что, связь с космосом? Ты ему про ромашки ничего не говори! Отнекивайся, а мы тебе, если что, прикроем.

Глава 18. Настороженный доктор

— Я слушаю, Дмитрий, — сухо отвечаю я.

— Здравствуй, Вита, — голос Димы, как обычно, мягкий и доброжелательный, — я звонил в санаторий, чтобы отправить последние анализы, а мне сказали, что...

— Из-за некоторых обстоятельств я осталась в городе, — встаю и подхожу к окну.

— Вот как? — удивляется Дима. — Ясно. Слушай, Вита...

Я вся напрягаюсь, потому что в голосе Димы я улавливаю тревогу.

— Что?

— Спокойно, — он ласково смеется, — кое-что в твоих анализах меня насторожило.

— Что конкретно?

Я уже готова получить диагноз рак и ползти в сторону кладбища, потому что беда никогда не приходит одна. Изменил муж? Вот тебе, Витаминка, сверху еще жуткого недуга и осталось тебе жить... месяц! Как раз получишь свидетельство о расторжении брака и можешь откинуть коньки со спокойной совестью.

— Я думаю, что нам стоит это обсудить лично. И ничего смертельного, выдохни, милая.

Милая? Что еще за милая? Точно все плохо. Если не умираю, то останусь инвалидом.

— Вита, ты меня слышишь?

— Слышу.

— Сегодня подъехать в клинику сможешь? Скажем, к двум часам?

Я же теперь не могу позволить услуги Димы. Он, сволочь, дорогой доктор. Мало того что доктор, так еще и вся клиника ему принадлежит. Меня всегда напрягал этот момент, что владелец клиники сам ведет некоторых пациентов. Очень близких пациентов, с которыми даже дружбу водит, чем невероятно гордился, а с Артуром знаком очень давно...

— Вита?

— Да, я подъеду, — сбрасываю звонок и задумчиво постукиваю телефоном по подбородку, глядя на окна соседнего дома.

Вот у меня вопрос: а посмеет ли Артур притащить беременную Кариночку к нашему семейному доктору? Хватит ли у него совести на подобную наглость? Конечно, это уже не мое дело, однако я не могу сдержаться себя от грубого ругательства.

— Угрожал? — сипит Маша.

— Обещал без трусов оставить? — шепчет Лена

— Оскорблял?

— Сказал, что ты в постели бревно?

Я удивленно оглядываюсь на бледную Лену, а та неловко улыбается:

— Это мое вылезло. Мне так однажды сказали.

— Кто?! — возмущенно округляет глаза Маша.

— Бывший.

— Вот подлец, — Маша бьет по столу ладошкой. — Козел! У самого там в штанах, поди, корнишон!

— Так, договор, девочки, — возвращаюсь за стол.

— Слушай, — тихо говорит Маша, — я, как вредная хозяйка, запрещаю тебе мужиков водить, но...

— Но? — поднимаю взгляд от договора.

— Брату Лены можно, — она хитро улыбается. — Никому нельзя, ему можно.

— Лен, — смотрю на Лену, — вмешайся. Она же его не видела и знать не знает.

— Ну, как такому милому мальчику можно отказать, — Маша подхватывает букет и носом в ромашки, — романтик же. Люблю романтиков.

— Познакомь их, — заговорщически шепчу Лене, и та медленно кивает. Перевожу взгляд на Машу, чей нос весь в желтой пылице. — Какие-нибудь еще требования или запреты?

— Запрещаю разбивать милому мальчику сердце, — Маша пальчиками поглаживает лепестки ромашек и переводит на меня очарованный взгляд, — не будь стервой.

— А если серьезно?

— А если серьезно, — она откладывает букет, — то у меня особых требований нет. Все, что в договоре прописано, то и требую.

На экране телефона с короткой вибрацией высвечивается сообщение от клиники, которой заведует Дима:

“Уважаемая Виталина! Сегодня в 14:00 у вас назначен прием к Ляхову Дмитрию Федоровичу.”

Глава 19. Что-то тут нечисто

— Ты сегодня одна? — круглое лицо Димы с маленьким подбородком сминается в улыбку.

Одна. Надо отдать должное Артуру, что на прием к Диме он всегда меня сопровождал и за руку держа, а теперь кресло рядом со мной пустует. Очень не хватает его теплой ладони.

— Что не так с анализами?

— Гормоны немного шалят, — Дима перебирает бумаги, — пролактин повышен, — поднимает обеспокоенный взгляд, — тебя не беспокоят бессонница, перемены настроения, усталость? Не было ли в последнее время стресса?

Внимательно вглядывается в глаза. Проинформировал ли его Артур, что у нас тут развод намечается?

— Да,пусти ты! — раздается за дверь голос Карины, и в светлый кабинет распахивается дверь. — Дима, почему ты меня игноришь? Этот Урод Борисович...

Глаза Димы вспыхивают злобой. Я оглядываюсь. На пороге застыла Карина, а ее сумку стискивает испуганная медсестра и тянет на себя в попытках заволочь незваную гостью обратно в приемную.

— Урод Борисович? — вскидываю я бровь. — Или я ослышалась?

— Ослышалась, — тихо отвечает Карина и вырывает сумку из рук медсестры.

— Знаешь, Дмитрий, — я обращаю спокойный взгляд на напряженного Диму, у которого лицо идет красными пятнами гнева, — я бы не сказала, что у меня были беспричинные перемены настроения. Только по делу. Как сейчас. У меня тревога обратилась в удивление. Как “я люблю его” превратилось в Урода Борисовича?

— Прочь, — шипит Дима.

— Нет, — я вновь оглядываюсь на Карину у которой напрошенные ресницы дрожат, — проходи, присаживайся. Ты же по делу?

— Да...

— Вероятно, по делу своего интересного положения?

У меня нарастает желание схватить со стола ручку, воткнуть ее в глаз Димы, а после разбить горшок с фикусом о голову Карины. Все-таки Артур притащил свою потаскушку к нашему семейному доктору, а он меня тут про стресс спрашивает.

— Я, пожалуй, пойду...

— Села! — повышаю я голос до зычного приказа, и медсестра позади Карины ойкает и прячется за дверь.

Карина в панике смотрит на Диму, а затем, вскинув подбородок, шагает к креслу.

— Я бы ее принял после тебя...

— Нет, — перевожу на Диму твердый взгляд. — Какая интересная вырисовывается ситуация. Наблюдаем жену и любовницу.

— Я ведь в первую очередь врач...

Карина присаживается в кресло и поджигает губы.

— Вы в первую очередь мои пациентки...

— Допустим, — я недобро щурюсь. — Я могу поверить в то, что врач не будет говорить жене, что ее муж притащил любовницу к нему. Но, Дима, меня интересует другой вопрос, ты ее давно наблюдаешь и по какому вопросу?

— Это врачебная тайна, — Дима стискивает в пальцах карандаш.

— О, понимаю, — медленно киваю, не отрывая взгляда с его красного и лживого лица. — Однако же, я смею предположить, что у вас сложились очень доверительные отношения, раз эта шлюшка смеет называть моего мужа Уродом Борисовичем.

— Ты ослышалась... — упрямо шепчет Карина и вся дрожит.

Откуда такой страх в этой милой красавице? Ее отношения с моим мужем для меня уже не тайна, поэтому... чего так бояться? Она делает вдох, заметив мой взгляд, и распрямляет плечи, но все еще бледная, почти белая, как лист бумаги.

— Тошнит? — участливо спрашиваю я. — Неужели токсикоз?

Глава 20. Нехорошее предчувствие насчет хорошего доктора

— Токсикоз? — елеинным голосом повторяю я, и Карина кивает. Перевожу взгляд на Диму, — а какой срок?

Я могу сейчас убить или покалечить его или Карину, если та что-нибудь вякнет про Урода Борисовича. Никто не смеет называть моего мужа уродом. На это имею право только я, потому что он меня обманул и макнул в грязь после одиннадцати лет брака.

— Кариша, милая, — я протягиваю руку и сжимаю ее ладонь, не разрывая зрительного контакта с Димой, — какой у тебя срок?

— Три недели...

— И тебя ничего не беспокоит? — шепотом спрашиваю я. Карина молчит, а я обращаю на нее немигающий взор:

— Очень опасный срок, милая.

— В каком смысле? — Карина медленно поворачивает ко мне бледное лицо.

— В таком смысле, дорогая, что высок риск выкидыша...

Из отчаянной истерички я обратилась в хладнокровную маньячку. Вот только недавно я полоскала Артуру мозг, что он будет отцом, и была в шаге от отчаяния и желала отобрать у его любовницы малыша, а сейчас хочу придушить эту га-

дину.

— Ты мне угрожаешь? — голосок у Карины тоненький, как писк мыши.

— Нет, я выражаю свое беспокойство, — поддаюсь в ее сторону и заглядываю в ее глаза, — и меня очень тревожит твой эмоциональный фон. Урод Борисович? Тебя обидел мой муж?

— Да... — на глазах проступают слезы.

— И чем же, моя хорошая? — я ласково улыбаюсь, а рука Карины в моей ладони дрожит. — Сомнениями?

Медленно кивает.

— А есть причины в тебе сомневаться? — задаю я тихий вопрос.

— Нет...

Лжет. Отпускаю руку Карины из захвата и откидываюсь назад:

— Это уже ваши разборки, — поправляю ворот блузки и одариваю улыбкой молчаливого Димы, — говоришь, гормоны шалят? Пролактин повышен? Нехорошо, — задумчиво вздыхаю, — но боюсь, что на этом, Дмитрий, мы и закончим.

Мне сейчас липко и мерзко.

— Вита...

— Во-первых, — складываю руки на коленях, — я не смогу теперь себе позволить твою замечательную клинику, а, во-вторых, — я смеюсь, — ты же все сам должен понимать, разве нет? Как я могу наблюдаться у врача, который будет вести

беременность любовницы моего мужа? Я тебе, что, терпила? Какое мерзкое слово и как оно емко меня описывает. Я терпила для мужа, терпила для врача, терпила для мелкой потаскушки, которая сейчас всхлипывает в шелковый брендовый платок. Тер-пи-ла.

— Услуги моей клиники и моих врачей оплачены Артуром на полгода вперед...

— Да ты издеваешься, Дим, — в изумлении приподнимаю бровь и киваю на Карину. — Вот твоя забота, а мне теперь дорога, как обычной смертной, в городскую поликлинику с очередями, злыми старушками, которые “я только спросить” и хамоватыми врачами. Как круто меняется моя жизнь и я... — скалюсь в улыбке, — в предвкушении.

— Наша система здравоохранения, мягко скажем, карательная, — верхняя губа Димы дергается. — Там сидят одни мясники.

Встаю и приглаживаю волосы:

— Зато бесплатно.

— Вита! — вскакивает Дима и сжимает кулаки.

Слишком уж яростно сопротивление у нашего семейного доктора, будто он что-то скрывает.

— У Артура закрались подозрения насчет отцовства, и Кариша прибежала к тебе, — всматриваюсь в его разъяренные глаза. Хмыкаю и шагаю прочь, — но как я уже сказала, это ваши проблемы. Я умываю руки, — кидаю пренебрежительный взгляд на Карину и выхожу, усмехнувшись под нос,

— ну, дела...

Прикрываю дверь, и раздается грохот, будто Дима перевернул стол или шкаф, а, может, выкинул Карину в окно, потому что она вскрикивает.

— До свидания, — шепчет медсестра, и когда я оглядываюсь, сипит, крепко зажмурившись, — мне так жаль... Господи... Вита... — распахивает глаза, а в них я вижу отчаяние и раскаяние.

Мне не по себе от ее взгляда. Она мне пытается сказать не о муже-предателе, а о чем-то более страшном, что касается только меня, будто она соучастница преступления. Отступаю и едва слышно говорю:

— Хорошего дня...

Глава 21. Илюш, какого черта?

Я не помню, как добираюсь до своего нового дома. Очухиваюсь только с пустой чашкой, на дне которой засохли остатки кофе.

— Вита...

Я оглядываюсь, а за столом сидит Илья и смотрит на меня круглыми глазами.

— Что ты тут делаешь?

— Ты не помнишь? Я тебя ждал у двери, и ты меня впустила.

— Да?

— Что с тобой?

Как объяснить недоуменному и настороженному мальчику, что, похоже, к моему бесплодию приложил руку семейный доктор. Да, подозрения необоснованные, ведь медсестра мне ничего не сказала, лишь посмотрела... Иногда и слов не надо, чтобы все понять.

— Ты мужа убила? — предполагает Илья и криво улыбается. — Если так, то... где тело? Его надо спрятать... Я пересмотрел множество детективных сериалов и спец по тому, как стоит и как не стоит прятать тела...

— Я по уши в дерьме, Илюша, — сипло отвечаю я.

— Только не паникуй, — Илья медленно встает и ласково улыбается. — Я рядом. Мы что-нибудь придумаем. Где тело,

Вита?

— Вокруг меня одни лжецы...

Я роняю кружку, она падает на ковер с глухим стуком, и я оседаю на пол. Дима вполне мог... Он же меня витаминами пичкал, прописывал общеукрепляющие уколы, после которых у меня тянуло внизу живота, а он приговаривал, что так и должно быть, ведь мои яичники активизируют работу. Все врачи в его клинике передавали анализы, анамнезы и прочие бумажки ему. Я их в руки сама лично не получала. Лишь после того, как он их якобы изучал...

— Какая же я дура, Илюша.

— Тихо, Вита, тихо, — Илья крадется ко мне и присаживается рядом. Обхватывает лицо руками, — все хорошо. Слышишь?

— Все плохо, — с губ срывается смешок и я смотрю на белый потолок.

Илья накидывает мне на плечи пушистый плед и прикладывает к уху телефон. Грызет ногти, вслушиваясь в гудки. Мне бы его остановить, а то вдруг он звонит в полицию, а я ведь никого не убивала, но не могу раскрыть рот.

— Па, привет, — Илья нервно щелкает пальцами. — Мне надо избавиться от тела...

— Что?! — доносится удивленный мужской бас.

— Тело, говорю, надо спрятать.

— Какое тело?

— Какая разница?

— Я так и знал, мелкий ты говнюк, что ты проштрафишься на испытательном сроке!

— Па, не ори! Все серьезно!

Я удивленно смотрю на Илью. Он звонит отцу с просьбой спрятать тело? Seriously?

— Илюш, — касаюсь его колена.

— Кого ты завалил? — рычит в трубке мужской голос. — Только не говори, что своего временного босса.

— Не я.

— Твоего босса завалил не ты?

— Не моего босса.

— Кто и кого? — урчит мужчина в трубке. — Ближе к делу, Илья Романович!

— Я никого не убивала, — дергаю Илью за рукав его горчичного джемпера. — Илюш!

Он косит на меня удивленный взгляд и хмурится.

— Илья! — орет смартфон.

— Слушай, пап, не бери в голову. Ошибочка вышла.

— Так Арман жив?!

— Да живой это долбоящер, живой! — рявкает Илья. — Все, пока!

Сбрасывает звонок, прячет телефон в карман джинсов и смотрит перед собой, медленно моргая. Коротко кашляет, прочищая горло и вздыхает:

— Как неловко вышло.

— Илюш, какого черта? — у меня брови ползут на лоб.

— Это как понимать?

Глава 22. Еще один лицемер

— Илюш, — тихо повторяю я.

— Я разволновался, — избегает взгляда.

— Ты позвонил отцу с просьбой спрятать тело...

— Он знает, что я не прибегу к насилию без причины, — пристыженно краснеет и опять отводит взгляд.

— Илья.

— Что? — он возмущенно смотрит на меня. — Да я бы сам твоего мужа голыми руками придушил.

Это не просто милый мальчик-бариста, который решил поиграть с обманутой женщиной. Я окидываю его внимательным взглядом. Одежда недорогая, обычный масс-маркет, но его глаза... Они уверенные, спокойные... Илья не знал нужды, оттого он весь такой легкий и непринужденный.

— Ты кто такой?

— Илья, — очаровательно улыбается.

— Илья, папа у которого может тело спрятать?

— Ну... — неопределенно отвечает он и смотрит на потолок.

— Среднестатистические отцы на просьбу спрятать тело схватили бы удар, Илюша, — шепчу я, а у самой ладони вспотели.

— Допустим, у меня не среднестатистический отец.

— И ты не среднестатистический бариста? — я стараюсь го-

ворить спокойно, однако прорезываются истерические нотки.

Угрюмо молчит. Еще один лицедей в моей жизни. Юный паршивец, который по какой-то причине играет роль обычного парня. И ведь как играет! У меня сомнений никаких не возникло. Либо я просто слепая идиотка... а его сестра? Лена ведь тоже не выглядела богатой фифочкой и дочкой какого-нибудь опасного мафиозника. Я ничего не понимаю. У меня такое ощущение, что я схожу с ума.

— Уходи, — шепчу я.

— Вита...

— Да что с вами со всеми не так? — я отсиживаюсь от лежа в горчичном свитере.

— Я тебе все объясню...

— Что ты мне объяснишь? Что ты мажор под прикрытием? — в тихой истерике смеюсь я. — Сын криминального авторитета?

— Ни мажор, ни криминальный авторитет мне не нравится, — Илья хмурится. — Все куда сложнее...

— Уходи.

— Ну вот такие приколы у моего отца! — Илья нервно встает и шагает от стола к дивану, а затем останавливается передо мной, всплеснув руками. — Он придерживается мнения, что мы с Леной должны сначала сами чего-то добиться, чтобы он ввел нас в бизнес. Пунктик у него такой, вот и батрачим! Показываем ему, какие мы молодцы, ведь он сам

когда-то начинал с обычного грузчика.

В голосе Илья проскальзывает обида и злость.

— В грузчики я не пошел, — пристально смотрит на меня и пожимает плечами. — Тут уже мама вмешалась, потому что у отца спина теперь больная и с коленями проблемы. Суставы вот меняли.

Ну, я, конечно, не могу не отметить, что смысл в подобном воспитании есть. Учит самостоятельности и дает осознание, что деньги не валяются с неба, но это не отменяет чувства, что Илья меня обманул и скрыл, кто он есть на самом деле. Да, он мне ничего не должен, но продолжил бы играть передо мной обычного баристу, ведь это так забавно быть лицедеем.

— Уходи, Илья.

— Вита...

— Уходи! — рывкаю я. — Оставь меня! Что ты ко мне прицепился?

— Ну и пошла ты! — неожиданно рычит Илья в ответ и зло шагает прочь.

Сердито и обиженно обувается на пяточке крохотной прихожей, а затем, возмущенно зыркнув на меня, выходит и громко хлопает дверью. Так громко и сильно, что кажется стены дрожат.

Медленно моргаю. Вот теперь я могу посидеть в тишине, покопаться в своих подозрениях насчет Димы и понять, что я должна сейчас предпринять? Куда бежать? К кому обратиться? Ладони дрожат. Сжимаю кулаки и выдыхаю, отгоняя

от себя желание позвонить Артуру. Какова вероятность, что он с Димой в сговоре?

Глава 23. Вита, что случилось?

Кофе. Робуста без примеси арабики. Я пью его раз в сутки. В девять пятнадцать и только в офисе. Это мой ритуал, который сначала настраивал на рабочий режим, а затем стал прелюдией и соблазнением.

Кофе. Теперь он другой. Нет того стойкого горького послевкусия, которое обволакивало язык, нёбо и глотку. И оно не всегда меня преследовало. Я делаю очередной глоток, катаю его по языку и сглатываю. Таким кофе был до... до чего? Я не могу ухватить то момент, когда расцвела на языке горечь полыни и въелась в привычку.

— Вас все устраивает? — спрашивает официант и вежливо улыбается.

— Да.

Нет, ничего меня не устраивает. Я жду от кофе привычной и едкой горечи. Если Дарья, младший офис-менеджер, которая заменяет Карину, не умеет варить крепкий двойной эспрессо, то тут его должны уметь готовить. Марка кофе та же. Я уточнил.

— Может, желаете...

— Нет, — отставляю чашку.

Куда делась горечь, которая плавила мою глотку? Она ведь стала в последние месяцы частью моей жизни... как и Карина в прозрачных блузочках...

— Я не вижу тут юриста, — за стол усаживается Вита с презрительно вскинутым подбородком. — И кофе? Сейчас? — изгибает бровь.

Красное платье, голые плечи и в глазах... Что у нее в глазах? Это не обида из-за моей измены, это что-то черное, надрывное и отчаянное, будто похоронила кого-то. Меня? Я, конечно, высокого о себе мнения, но эта боль не про меня. Со всем не про меня. И как же она прекрасна.

— Что случилось? — задаю я вопрос.

— Где юрист?

— Опаздывает, вероятно.

Она мне не верит. Я назначил встречу здесь, чтобы всколыхнуть в ней светлые воспоминания о нас. Да, очередная манипуляция, чтобы посеять сомнение, а нужен ли нам развод, однако... ее глаза. Завораживают и тянут на дно отчаяния.

— Вита...

— Тут все изменилось за одиннадцать лет, — она окидывает зал разочарованным взглядом, и вновь смотрит на меня.

Что она хочет мне сказать? Мне неуютно и холодно под ее взором и просыпается чувство сильной тревоги, словно за спиной у меня стоит опасный враг, который вот-вот вскрыет мне глотку.

— Ты ведь пьешь кофе строго по расписанию.

— Да, — ослабляю галстук, сдерживая желание оглянуться. — И с ним...

— Что? — она вновь приподнимает бровь.

Так близко, и так далеко. Виту кто-то обидел за эти пару дней? Обидел мягко сказано, судя по ее темному взгляду, полного боли. Кто? Да, я не исключаю из уравнения себя, но... в Вите засело что-то глубокое, как метастазы.

— Ты мне скажешь, что случилось?

Вот будет она делится своей болью с тем, кто отымел секретаршу у нее на глазах. Я не достоин теперь быть с ней в этой черной тоске и ярости. Да, она разъярена, загнана в угол, и она не позволит коснуться к гниющей ране, и это... больно. Я чувствую бессилие перед тьмой, что засела в сердце мой жены.

— У меня вопрос, — она смотрит прямо и цепко. — И мне нужен честный ответ, Артур.

Волосы на загривке встают дыбом от нехорошего предчувствия. Враг совсем рядом. Он ранил мою жену, и дышит мне в затылок с гнилым оскалом. И, возможно, он и в меня погрузил кривой и отравленный кинжал, но я этого не заметил, потому что был увлечен похотью. Нырнул в нее с головой и упустил что-то важное, что-то, от чего сердце сжимается в черную точку.

— Я тебя слушаю, Вита.

Глава 24. Не защитил и не уберег

Артур должен знать. Да, я ему не доверяю и подозреваю, что он вполне мог быть в сговоре с Димой, однако... вдруг я ошибаюсь на его счет? И какая же теперь мелочь его измена... Она была лишь подсохшей корочкой на царапине, а под ней абсцесс и гной. Уже и мышцы с костью прогнили.

— Я тебя слушаю, Вита, — холодно повторяет Артур и делает глоток.

Едва заметно кри

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.